ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации объединений советских писателей РСФСР

МОСКВА 10 ЯНВАРЯ 1932 г. № 2 (171)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 60 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКОЕ КАЧЕСТВО ТЕАТРА, МУЗЫКИ, КИНО

Отставание искусства от задач социалистического строительства огромно.

Литература и искусство, за отдельными исключениями, еще не включились по-настоящему в самую борьбу рабочего класса.

Подчас попытки авторов включиться в «живую жизнь» вызывали неожиданный для авторов отпор подлинных строителей. Так было с «Поэмой о тракторе» Погодина, «Строй фронтом» Завалишина и многими другими, пытавшимися показать то или иное конкретное строительство и не довольствующимися тем, чего ждали и ждут уральские рабочие. Так случается с очень многими: драматург, киносценарист, композитор хотят показать призыв капитализма, неизбежность его гибели, а получается сплошь и рядом пошлый анекдот; хотят показать стремительство социализма на каком-нибудь важнейшем участке, борьбу за интенсификацию, а получается вампука и подмена драма на фоне эпизодических лозунгов. Хотят разоблачить национал-фашистскую идеологию и романтизм, а получается своеобразное утверждение их.

Основные причины отставания — недостаток мировоззрения автора. Не может быть советского, пролетарского произведения, если автор не понимает (не говоря уже о тех, которые не хотят понять) движущих сил революции, если он не владеет методом диалектического материализма. Никакие попытки подменить марксистско-ленинское мировоззрение «новой интуицией» или к чему хорошему не приведут, как не приведет и перестройка — заучивание цитат из Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, вместо УСВОЕНИЯ ИХ УЧЕНИЯ.

Дискуссия о творческом методе в литературе и искусстве по-настоящему еще не развернулась. Это относится в первую очередь к театру, кино и в особенности к музыке. К разработке проблем творческого метода в искусстве мы только недавно подошли (тезисы РАПП весной 1930-31 г., производственное совещание в кино и малых формах Всероскомдрама весной 1931 г. и некоторые другие). Тем большее значение имеет постановка на Всесоюзной конференции драматургов и композиторов доклада о творческом методе на театре, в кино, в музыке.

Борьба за диалектический метод в искусстве приобретает особое значение в свете письма тов. Сталина. Надо со всей отчетливостью сказать: в разработке марксистской теории драматургии, театра, кино и музыки мы только приступаем. До последнего времени глубоко не проанализированы буржуазные теории Пиотровских, Гвоздевых, Вольпенштейнов и многих других. До последнего времени кое-кто проповедует гнилой либерализм и этим теориям (взять хотя бы предисловие т. Луначарского к «Опыту современной эстетики» Вольпенштейна). До настоящего времени не раскритикованы ошибки, допущенные отдельными товарищами-марксистами («Творческий метод театра» Афиногенова и др.).

На фронте искусства идет классовая борьба. В последнее время имеются выступления явно враждебного, контрреволюционного характера. Таково известное утверждение профессора Гнесина о том, что у нас «вместе со всей мировой литературой мечезли и все произведения наших советских композиторов, кроме... песен РАПМ», таковы троцкистские вылазки «теоретика» Лебедева, такова упоминавшаяся уже «эстетика» Вольпенштейна и ряд других работ. Разоблачить классово-враждебное содержание этих «теорий» — одна из задач Всесоюзной конференции авторских организаций.

Конференция, наряду с обсуждением вопросов творческого метода, должна будет наметить конкретные мероприятия по налаживанию связи между отдельными союзными республиками. До сих пор эта связь, в частности — в области драматургии, в большинстве случаев, не выходит за рамки добрых пожеланий. Не характерно ли, что театры РСФСР знают только 3—4 украинских и белорусских драматургов, в то время как с каждым годом растет и крепнет драматургия Союзных республик?

Ознакомление пролетарской общественности РСФСР с достижениями драматургов Союзных республик — настоятельная задача. Налаживание постоянной связи между отдельными Союзными республиками, продвижение пьес национальных авторов в театры РСФСР, более тщательный отбор пьес русских драматургов, ставящихся в театрах Союзных республик,—будут иметь огромное культурно-политическое значение.

Отставание драматургии особенно чувствительно для клубов и самодеятельного театра. Наряду с причинами отставания, отмеченными в театральном документе РАПП, следует отметить еще одну немаловажную причину — исключительно плохую материальную обеспеченность драматургов, пишущих для самодеятельного театра. Их авторский заработок в массе равняется 3...5 десяткам рублей в месяц. Существующее авторское право не ограждает интересов авторов клуба и самодеятельного театра. Всесоюзная конференция, разрабатывая ряд положений авторского права в целом, должна будет особое внимание обратить на этот участок.

Почти два года прошло со времени первой Всесоюзной конференции авторов и драматургов в Харькове. За это время произошли сдвиги в самих авторских организациях; из организаций фискального характера они превращаются в производственные, в литературно-политические организации. В частности Всероскомдрам имеет в этом отношении значительный опыт: проведение ряда производственных совещаний (по драматургии, кино, музыке и малым формам), образование творческих групп, начало дискуссии на майском пленуме Всероскомдрама, начало призыва ударников в драматургию, кинокурсы для писателей, контрагитация и т. д. — все это пути подлинной перестройки. Сейчас перестройка углубляется на основе театрального документа РАПП, расширяется деятельность, в частности, композиторской секции, фактически превращающейся в Федерацию советских композиторов.

Опыт Всероскомдрама должен быть передан другим союзным авторским организациям, опыт Союзных республик должен стать достоянием Всероскомдрама.

Состояние театра, кино, музыки требует сплочения пролетарских сил драматургов, киносценаристов, композиторов. Нужна более углубленная и дифференцированная работа с попутничеством, нужна углубленная работа по выработке мировоззрения, нужно четче развернуть борьбу за марксизм-ленинизм в искусстве, борьбу с классовым врагом. Нужно влить новые силы ударников в драматургию и кино.

Перед нами, как и перед всей страной, стоит задача борьбы за качество; «БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО... ВОТ В ЧЕМ ДОЛЖЕН ВЫРАЖАТЬСЯ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СТИЛЬ 1932 ГОДА» («Правда»). Под этим знаком должна пройти ВТОРАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ДРАМАТУРГОВ И КОМПОЗИТОРОВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР—ШКОЛА БОЛЬШЕВИСТСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДОГО ПИСАТЕЛЯ

НА ОБЩЕМОСКОВСКОМ ВЕЧЕРЕ КОМСОМОЛА

«Комсомольская правда», МК ВЛКСМ, культсектор МОСПС и МАПП организовали третьего дня, в Колонном зале Дома союзов общемосковский вечер комсомола, посвященный творческому смотру молодежной литературы.

Во вступительном слове о задачах творческого смотра зам. редактора «Комсомольской правды» В. Бубекин напомнил об указании т. Косарева на пленуме ЦК ЛКСМ Украины, что одной из центральных задач пролетарской литературы является создание образа положительного героя. С этой задачей пролетарская литература еще плохо справляется.

— Комсомол, — говорит затем т. Бубекин, — обязан подходить к литературе не только как потребитель, но и как творец; поэтому обязан помогать критике, работу литкружка сделать частью работы комсомольской ячейки, обязан калечить архигрубую продукцию о литературе, как второстепенное дело. Смотр молодежной литературы — одна из форм комсомольской помощи пролетлитературному движению и продолжение его отчетования.

После выборов президиума, в который вошли присутствовавшие на вечере тт. Косарев, Сапаров, Лупьянов, Подольский, Фадеев, Безыменский, Жаров, Мата Залка, Панферов, Макаренко, Фриланд, Бирюков, Кирьянов, представители районных комсомол., ударников, писавших в литературу и пр., с докладом о комсомоле в буржуазной и пролетарской литературе выступил А. Фадеев.

Тов. Фадеев указал, что буржуазной литературе — литературе эксплоататоров, воспевающей героя-индивидуалиста, героя-собственника, противостоит пролетарская литература — литература классовой борьбы, признавая показать нового героя — борца за социализм, строителя коммунистического общества.

На ряде примеров из произведений Руссо, Гете, Бальзака, Пушкина, Лермонтова, Тургенева т. Фадеев показывает, как через всю мировую литературу, видоизменяясь, терял одни особенности и приобретая другие, проходит по существу один и тот же герой-индивидуалист, герой-собственник всех видов, мастей и рангов. И если на одном фланге этой галереи чел. эпизодического Растиньяка из бальзаковского «Отца Горио», то на другом отстоит различным Квазегерова из «Зависти» Ю. Олеши, а к его же «Списку благодеяний» дорогой мотив Чацкого — все тот же «голос маленького человека», ищущего «места под солнцем», завоевывающего свое счастье.

— «Клим Клима Самгина» Максима Горького, — говорит далее А. Фадеев, — кол в спину этого маленького человека.

Наша пролетарская литература должна показать иного героя. Это однако отнюдь не значит, что индивидуальность литературе при социализме, что все люди нивелируются, как это в романе «Мы» представляется Е. Замятину, замерзнут конфликты на чашу действительность и по существу борьба против старого буржуазного индивидуализма.

При всем том, что пролетарская литература очень молода и по сравнению с достаточно сильной вооружить художественный образ своего положительного героя, она уже и сейчас дала всему миру произведения о том, какого расцвета может достичь личность в стране строящегося социализма. На всем протяжении своего развития пролетарская литература, как это мы видим из истории классической борьбы «всех со всеми» выработала новый человеческий социалистический образ.

В этом самый крупный успех пролетарской литературы. Но нельзя не видеть, что пролетарская литература настигающая ряд значительных достижений в произведениях А. Безыменского («Выстрел»), Ю. Либединского («Неделя Горбунова»), М. Шагинян («Отец»), М. Колосова («Три встречи»), А. Жарова («Азиаты»), А. Чуркина («Последнее лето») и др.

Но недостатки, конечно, молодежная пролетлитература и от ряда ошибок и срывов вредительских троцкистских влияний. Наиболее яркие из них — печатавшийся в «Октябре» троцкистский рассказ Н. Макарова «Фордзон-Мотор», троцкистский рассказ Стрельникова, напечатанный несколько лет назад в «Молодой гвардии», ставшие знаменитыми «Ярославские» Тарасова.

Значительны и ошибки пролетарских писателей в разрешении вопросов пола, проблем комсомольской морали: чрезмерный, подчас граничащий с половым вопрос, герой «Варвой девушки» и «Ветлова» Н. Брыкова, решение проблемы отчуждения от трудовой социалистического перестроительства мира и «Рождения героя» Ю. Либединского.

Наша пролетарская литература еще очень молода, но она не ставит себе таких задач, кроме тех, которые ставит рабочий класс и коммунистическая партия: она является массовым движением; она проникнута духом интернационализма. И эти три ее качества служат залогом того, что мы создадим самую мощную, самую лучшую литературу в мире.

* * *

После доклада А. Фадеева с своими стихами выступали: А. Безыменский, А. Жаров, С. Кирсанов, А. Сурков, Ив. Рахилло, Мих. Молчанов, Арк. Ситковский. Вечер закрылся бодрым концертом.

ЛЕКА

СРЕДНЯЯ АЗИЯ ОТВЕТСТВЕННЕЙШИЙ УЧАСТОК ВОАПП

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ ДОЛЖНЫ СТАТЬ БОЕВЫМ БОЛЬШЕВИСТСКИМ ОТРЯДОМ НА ФРОНТЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Среднеазиатские организации пролетарских писателей — наиболее молодые и следовательно имеющие сравнительно небольшой опыт борьбы за пролетарскую литературу, за линию партии на этом фронте. Поэтому они требуют самой серьезной помощи со стороны других братских организаций и со стороны ВОАПП в целом. Эта помощь до сих пор была явно недостаточной. В частности секретариат ВОАПП не повернулся еще по-настоящему лицом к Средней Азии, не обеспечил ее необходимым руководством, хотя соответствующее решение было принято еще весной 1931 г.

На заседании фракции ВКП(б) секретариата ВОАПП, посвященном обсуждению положения в Средней Азии и в частности в Узбекистане, это было подчеркнуто со всей определенностью.

На заседании фракции т. Вощев сделал доклад о работе Среднеазиатской АПП. Подчеркнув особые условия Средней Азии, докладчик остановился на трудностях работы САППа. Эти трудности заключаются в активном сопротивлении классового врага, нашедшем свое отражение в использовании контрреволюционной националистической организацией литературной группы «Кзыл-Калям» и в целом ряде буржуазных, контрреволюционных и троцкистских литературных выступлений, в недооценке местного национализма, в местном национализме, ярко проявляющемся в работе ТАПП, русской секции УзАПП и т. д.

Среднеазиатские товарищи проводили борьбу с правыми капитулянтами, проявившимися в Таджикистане, ничего не сделавшими для борьбы за хлопково-вую независимость и с «левыми» вульгаризаторами, развернувшими антимарксистские настроения и сужавшими задачи АПП лозунгом: «пишите только о хлопке, больше ничего не нужно».

К положительным сторонам работы АПП т. Вощев относит также рост творческого актива, организацию ряда АПП на периферии, посылку бригад на хлопок и пр.

Но недостатков гораздо больше. Слаба работа по привлечению ударников, на низом уровне находится критика и вообще теоретическая работа — а это значит, что и недостаточна борьба с буржуазной опасностью, псевдо-марксистской критикой и т. д. Участие писателей в соцстроительстве совершенно недостаточно.

Сейчас, в результате дискуссии РАПП с комсомолом и указаний среднеазиатских партийных организаций, развернуто поставлен вопрос о перестройке.

Касаясь вопроса о печати, т. Вощев указывает на безобразно малое внимание, уделяемое литературе в местной, а тем более центральной печати (например, добросовестности русских переводов творчества среднеазиатских писателей нет совсем), и ставит вопрос о необходимости перелома в этой области. Он признает некоторые крупные ошибки журнала «САПП».

Другие товарищи из Средней Азии дополнили т. Вощева.

Тов. Байбулатов, отмечая рост национальных кадров литературы, все же констатирует незначительность того подъема, что «за пять лет существования переводов и влияний их творчество совершенно ничтожно товарищам из других союзных республик. В этом он видит и причину слабости руководства со стороны ВОАПП и РАПП.

Далее т. Байбулатов приводит ряд конкретных фактов буржуазной опасности в узбекской литературе — творчество Фитрата, Чулпана и др. Чтобы противостоять их влиянию на молодые, нужные кадры, творческие силы — а их почти нет. Нет также в САППе и необходимой творческой дифференциации.

Тов. Саидов подчеркивает отставание УзАПП от задач соцстроительства и не только организационной, и еще более — по линии творческой. Совершенно не развернута работа по показу героев.

Тов. Саидов резко критикует «Литературную энциклопедию», дезориентирующую своих читателей в вопросах литературы Средней Азии. Например контрреволюционер Бату выдается «патриархом-ледней» за пролетарского поэта. Так же поступает и Шенгели в журнале «Новый Восток». В прошлом году «Советский театр» выступил с пошлейшей музыкальных идей Фитрата. Так искаженно представляется русскому читателю положение в Средней Азии при полном отсутствии информации о работе пролетарских писателей и показах их творчества.

Когда же русские писатели пишут о Средней Азии, то часто получается более, чем смешно. Главным образом это объясняется тем, что русские писатели пользуются методом «экспресс»: приезжают на два дня и пишут, кроме штампов и ошибок, ни-чего не дают. Такого рода «творчеством» является фельетон А. Зарича в «Прожекторе».

Эти примеры доносчик в своем втором выступлении т. Байбулатов, указавший на панисламистско-шовинистические записи, являющиеся в мусульманских Академиях наук, посвященных истории народов Средней Азии.

Выступивший т. Селивановский, критикуя секретариат ВОАПП за слабое руководство работой в Средней Азии (особенно в Туркменистане и Таджикистане), подробно останавливается на положении русской секции УзАПП. Он считает его явно неблагополучным, так как ее руководители допустили грубейшие великодержавнические ошибки и не понимают основных задач этого движения в условиях Средней Азии. Очевидно и сейчас положение мало изменилось. Из просмотра журнала «САППа», редактируемого т. Голодовичем, можно сделать именно такое выводы. Тов. Селивановский резко критикует весь журнал, а особенно отрывок из романа т. Вощева и поэму Колесникова.

В качестве практических предложений т. Селивановский выдвигает: послать авторитетной бригады ВОАПП в Среднюю Азию, развертывание работы по линии Комакадемии, освещение положения в Средней Азии в вузовских и рапповских журналах, организацию хороших переводов и издания среднеазиатской продукции ГИХЛ.

Другие выступавшие товарищи поставили также вопрос о связи среднеазиатских организаций с азербайджанскими (т. Назарли), о необходимости пополнения аспирантуры ИКП товарищами из Средней Азии (т. Кумина), о задаче резкого поворота СредАзАПП лицом к творческим вопросам (т. Дабагян).

Выступивший с заключением тов. Фадеев также подчеркнул необходимость развертывания творческой дискуссии и решительно поставил вопрос об организации освещения литературно-политического и творческого опыта Средней Азии в центральной печати. Без этого немыслим обмен опытом, помощь, руководство.

— Среднеазиатские товарищи,—говорит т. Фадеев,—должны сделать все необходимые выводы из письма т. Сталина в смысле борьбы с враждебными нам чертами. Совершенно недопустимым является, что до сих пор не включены все уроки из «Кзыл-калямощины».

Тов. Фадеев поддерживает критику журнала «САППа».

Фракция секретариата ВОАПП приняла по вопросу о работе САППа ряд практических предложений, решила дать развернутую оценку положения и задач работы в Средней Азии после обследования САППом вооруженной бригадой, которая должна начать работу в ближайшие месяцы.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ЭТО ЕЩЕ НЕ БОЕВОЙ ВОАППОВСКИЙ ОРГАН

«САПП» — ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ СР.-АЗИИ. — ТАШКЕНТ

Вышел в свет № 1 журнала Среднеазиатской ассоциации пролетарских писателей под названием «САПП». Повод большое общекультурное и литературно-политическое значение этого факта. Среднеазиатские организации пролетарских писателей возникли не так давно. Они сложились в борьбе с великодержавным шовинизмом и местным национал-демократизмом. Особенно трудна была борьба узбекских товарищей против «кзыл-калямщины» («Кзыл-Калям» — литературная группа, объединявшаяся вокруг узбекской национал-демократической контрреволюции). САППа — самая молодая организация из всех республиканских организаций ВОАПП.

В этих условиях, в условиях многонационального состава САППа (узбекские, таджикские, туркменские, башкирские, русские и т. д. писатели), журнал, выходящий на русском языке, должен ставить перед собой задачи: быть боевым органом борьбы за линию партии в литературе, быть средством за интернациональное единство ВОАПП, быть оружием развертывания творческой дискуссии и самокритики. Журнал должен главное внимание уделить ознакомлению читателя, владеющего русским языком, с лучшими образцами пролетарской и революционной литературы народов Средней Азии и хороших переводах, журнал должен явиться организующим центром пролетарского литературного движения для среднеазиатских союзных республик.

Со всеми этими задачами первый номер «САППа» справляется неудовлетворительно. Посмотрим на то, что в нем имеется отдельно произведены, заслуживающие пристального внимания. Так, интересна и для узбека (при отдельных существенных ошибках, сводящихся к вышеуказанному методологическому) статья Д. Камбулатова «Политическое лицо фольклора», которая отличается и журнал документов по истории развития узбекской литературы и которая заострает удар на националистических и клановых тенденциях. К этой статье мы еще вернемся в связи с отдельными дискуссиями. Целый ряд статей о классовой борьбе в туркменской литературе сообщает А. Караханов. Представлена редакция, напечатан стихотворение революционного туркменского поэта Меред Кельча в сопровождении небольшой критической статьи Ян. К., раскрывающей давление на творчество Мереда Кельча чуждой пролетарской идеологии и тем самым помогающей ему избавиться от этого влияния. Методологическая статья Г. Арбаева о творчестве узбекских писателей Помпеева и Гайрати, ограничивающаяся пересказом содержания творчества этих писателей без сколько-нибудь подробного критического анализа. Однако и она представляет известный интерес. Но вот, собственно, и все, что относится к творчеству писателей народов Средней Азии и что можно отметить как достижения журнала.

«САПП» вышел в свет в декабре. Открывается он перепечатанной из «Правды» за 17 апреля статьей «За пролетарскую литературу». Из этой статьи редакция не сделала никаких выводов применительно к особенностям пролетарского движения в Средней Азии. В набор журнал сдан 7 августа, т. е. уже после пленума совета ВОАПП и после помещения в «Правде» исключительной статьи о работе ВОАПП. Недопустимое запоздание с темпом — очевидно.

Но корень заключается не только в нетактичных темпах и в поспешной журнал выступить в роли коллективного организатора. Редакция совершила ряд политических ошибок. К их числу относится прежде всего помещение отрывка из романа Л. Завадского «Сон». Роман в целом нам не известен. Отрывок же, опубликованный в журнале, может быть назван только массовщиной на национальную политику партии. В отрывке говорится об одном эпизоде из гражданской войны в Узбекистане. На этом эпизоде автор показывает, как большевики и коммунисты, руководящие на русские и узбеков, в работе изображены как два непримиримых национальных лагеря. Вот, например, что происходит между ними:

«Узбек образованный, два актера не примиримых, враждебных.

А Мишка Пичугров чуть выделялся из русской группы и гнобил жалчайше:

— Если черком на русских... осердились... катается... а мы дураки и уши развесили и шли частушки... У, сволочь узбечья, — заключал Пичугров и, плюнув, попал в лицо Юсуку.

Юсуп рванул на Пичугрова и новыми чтими путями увлек за собой всю группу узбеков...

...Заблестели глаза, замелькали в воздухе кулаки, заворочали ядра быстрее языками, разнимая себя, окружающих...».

Мы спрашиваем редакцию: как могло в журнале пролетарских писателей появиться это произведение, единственная функция которого состоит в разжигании национальной вражды? Это тем более недопустимо, что, как мы уже сказали («Л. Г.» № 68) творчество русской секции УзАПП, были сильны великодержавнические тенденции.

К числу ошибок редакции нужно отнести и помещение рекордного по обилию вкраплений контрреволюционных стихотворений А. Датченко (мне хочется писать о революции, чтобы в каждом от красных знамений что-то пылает, трепещет и бьется), и открытый пасквиль Б. Колесникова «Лала-ханум», сочиненный в себе кулацкое подражание статье Б. Пильняка с ленцой, выражающей недовольство на технологическом корню, стилизацией под «восточную экзотику». Такая изысканная обветшалость выражает в стиле тенденции великодержавного шовинизма, переплетающегося с местным национализмом. Отсюда и ложной «экзотики», хотя и в меньшей мере, элементы и в некоторых других произведениях, помещенных в «САПП».

Образцом слепого заимствования чужих недостатков является рецензия С. Сырнева — на творение ЛОКАФ «Сельская больница». Сырнев доходит до того, что обвиняет техническую слабость авторов сборника достоинствами их стихов: «значительная часть из них еще не имеет законченного размера... И от этого стихи не теряют хуже. Наоборот». К довершению этого Сырнев пишет: «Здесь стих бежит неуклюже, как бы с обвисшими и с рваными штанами, и очень часто и чувствуешь, как так чтобы рука не ухватилась за прореху, чтобы ее прикрыть». Такую беспомощную болтовню «САППу» язык не критики!

Крупной первой в работе «САПП» необходимо. Только когда журнал будет боевым вооруженным органом, работающим в ожесточеннейшем участке классового пролетарского литературного движения.

ПЕРЕЦ МАРКИШ — МУДРОСТЬ МОЕЙ СТРАНЫ

ОТРЫВОК 2

От мудрого меча из закаленной стали, —
Оружья, бурным огнедышащего яра,
На гнете, — с места, несущего, как рок,
Ущербы и раздолья, — жизнелюбие раздолий, —
Рождение и гнев, — все дело в чека, —
И жертву жаркую, и вьючных гул багровый, —
Из стали, кирпича, камней, известняка,
Обугленных рук? — «Готово-суровой, —
Встает, сияя вышь, победы торжество, —
Премудрость вековечная восходит много.

Взойди и вознесть высоты и просторы,
Взойди, опоясти ступающую даль, —
Кирпичным, стеклянным и известковым хором,
Цементным, спелым приветом, — и, сквозь стать,
Стремящимся в голубь гранитною стихией, —
Здесь воздух затей страна из стран, — вперью
Для человеческого бездомного приют, —
Так тяжко в высоту строении встают, —
И каждый камень здесь, — как мускул напряженный, —
Год революции, как крус завершенный.

Взойди в вознесть с восторгом дерзновенья,
Что сытости еще не знало поколенье,
Глотка не отпило спокойно, — что, творя,
Оно в пути, — в латах, в полях, в пустынях, в пущах, —
И тянутся за ним двенадцать лет вставших, —
Двенадцать, как одна огромная заря!
О, поколенье! — от непомерной боли,
Из тягостных забот в гневе и в злобе,
О радости для всех, — торжественно в лазурь
Ширококрылая восходит ясность бурь!

У поколенья еще лицо черно
От штормовых ветров, от пристального зноя, —
Неколебимое, суровое, — оно
Стоит среди дорог, — пыля, рубя и строя.
И мудрости зажат в одной руке,
В другой — действующий меч кар и обороны,
Меч дивных дум, — и меч — расцвета вдохновенья —
И если надобно, то гневом распаленный,
Без содрогания обрушится, губя,
На тех, что в стан врагов зачислили себя!

И срещиваются в моем сознании новом
Стальные голос, прославленных годов,
Гуденье мощных чеш, гуденье пластов,
Гудение путей во мрака таймином;
Преобразимых дней, — как волны, далеко
Скрестились голоса: «Потупясь, поупрямей
Врезайтесь в нашу плоть, запасы и нарядь,
И, как громовый гул, восходит над моряны:
— «Мы ждем! — Волите нам — и плавно потечем
Судя, грузинные свободой и устав!

Квадраты ясности штурмуют вышину,
Квадраты синевы взрывают глубину. —
Двенадцать дивных лет, — двенадцать перелетов, —
Двенадцать кованых победами квадратов.
О, мука сладная второго бытия!
Я с жадностью припьяну к стеклу — и, сквозь любовь
Двенадцать дивных лет увижу пред собой, —
Устами припаду, о, родина моя,
К любому из твоих камней — и, как в тумане,
Утешь громами бить, раскатами восстаний!

Равнины ясные и мреющие дали,
Где скрыты ярость гроз и зной забыть,
Очнуться временем, рожденье, бытие,
Уже друг другу весть за вестью разлетали:
Здесь встанут города — в туманах и в дыму,
Здесь скалы наведут густую тень и тьму,
Здесь этажи взойдут, плечами достигая
Фабричных труб, — в местах, где ныне стать жилья
Возлинут улицы — и строчно побегут,
В квадраты замкнутся стоячный гром и гул

Кто сердца не прос. в, как мясную печь,
К безмерностям твоих гранитно стройных плеч,
Когда, срезаясь, дань летит к тебе сквозь стали,
Когда чарушь мочь твоих великолепий,
И каждый гром горна — ступенька и солнцу — и
Ступенька каждая задымается с гулом —
И дали знойные и мерные пути,
Сойдясь, смыкаются с фарапгой городскою, —
Кто в сердца не простер, как огненную печь,
К безмерностям твоих гранитно стройных плеч?

По вечерам, когда, теряя очертанья,
Бетон сливается с небесной чернотой,
Когда издалека, из синевы пустот, —
Сетями звездного немого чарованья, —
Закидываются над городом огни, —
Тогда миллионом глаз, печальных и ясных,
Он радостно поет, хохочет ярким блеском, —
И — в ночь, как в звездную рубаху облачен, —
Вникая вглубь домов, вникая вглубь времен,
Скрижаль грядущего читает взором резким.

И вот грядущее — на черной прорвы мрака —
Встает, в сиянии извечном, на дыбы —
Вот восходит по плечам Везувия рабы —
И гладиаторы — соратники Спартака, —
Как гулк громовые над всей вселенной, — вот
За баррикадами, грозя улиц в буйствах, —
Дежурит патрули Парижских коммунаров, —
Вот пелены пламенной и оружию звезд.
Вовстающая Петроград, — вот, где-то ожидая,
Внимает Индия, глядят рабы Китая.

Ждут, дожидаются повсюду поколенья,
Как цепи целостной разрозненные звенья, —
С надеждой, с трепетом и с мукой сладкой,
Как мощью молодой твои ветвятся жилы,
Опутывая мир, — стремительный, стальной, хищный,
Как радужной дугой возвысится твой клад, —
С почтеньем за тобой следят, уже готовым
Пройти материки, пройти чрева морей, —
Превозмогаются — и шествуют, горя,
За гелетом гелем, за первым снятым словом!

В пещеры пастухов, среды гор и средь низов,
Твоим вихрь ворвался призывом и грозою, —
В избитки дальние, — к печеньям чумазым, —
Твой голос донесен и твой громовый зов;
И пробуждаются, опасливы и хмуры,
Еще сдатые в пастуху, в меха и в шкуры
Народы темные, колена древних лет. —
Наверно где-нибудь сейчас идет Совет,
Совет — среди песков, в степях, глухих и пятых
На взревывающих, на стонущих верблюдах.

Что из того, что день еще встает — нагой, —
Что дань чреватая скитальчьим тугой
И восхождениями — еще густой листвою
Не зарослa? — Так что ж? Разевали губа —
О, ветер пагубный — дыхание роковое —
То, что в своем пути, то, что в своей борьбе —
Он семьдесят шагами приветил, — что забитым
Он точным пламенным, как звезды, завтрашним
Развара уста и взор, учил их быть и стать,
И приказал им знать, и велеть, и мстить!

1929 г. Перевел с еврейского Д. БРОДСКИЙ

БОРЬБА С ПРАВЫМ ОППОРТУНИЗМОМ И КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРОЦКИЗМОМ — БОРЬБА ЗА ПАРТИЙНОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ!

БЕСПОЩАДНО БОРОТЬСЯ С ВРАЖДЕБНЫМИ ВЛИЯНИЯМИ ВНУТРИ ПРОЛЕТЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ

ТРОЦКИСТСКИЕ КОНТРАБАНДИСТЫ И КУЛАЦКИЕ ЛАЗУТЧИКИ ИЗГНАНЫ ИЗ РЯДОВ МАПП

Сопротивление обреченного на гибель решающим победам нашего социалистического строительства классового врага проявляется в самых разнообразных формах. Передовой агентурой контрреволюционной буржуазии является троцкизм. Враг пытается использовать колеблющиеся, наименее выдержанные и примазывающиеся элементы внутри рабочего класса, его массовых организаций, комсомола и даже партии. Он стремится протащить свои враждебные влияния в различные области идеологии, в том числе литературу.

В свете письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», призвавшего партию и рабочий класс к величайшей бдительности и большевистской непримиримости ко всяким контрабандным троцкистским, контрреволюционным вылазкам и враждебным влияниям, мы должны тщательно проверить свои ряды — пролетарское литературное движение. Вся РАПП, всегда непримиримо относившаяся ко всяким извращениям линии партии в литературе, должна еще больше усилить свою бдительность. Не может быть никакого «гнилого либерализма» к агентуре классового врага, к троцкистским контрабандистам в области литературной теории и практики. «Систематически срывая с них маски», мы обязаны решительно бороться за ленинскую литературную теорию, за партийность литературы.

За последнее время, после выступления т. Сталина, на литературном фронте разоблачены троцкистские контрабандисты Лелевич и Горбачев, вскрыты ошибки рапповских журналов («На литпосту» — помещение реакционной статьи Г. Никифорова; «РАПП» — помещение меньшевистской статьи М. Добрынина; «На под'еме» — печатание контрреволюционной клеветы на Маркса и Энгельса — проф. Сретенского). Последние сообщения с Урала свидетельствуют о большом прорыве в работе УралАПП и ее печати.

В отдельных ячейках МАПП также вскрыты факты, которые должны встретить решительный отпор всего нашего движения.

Так на собрании литоб'единения автомобильного завода им. Сталина, посвященного итогам последнего пленума правления РАПП и проработке письма т. Сталина, где со всей решительностью были поставлены вопросы перестройки, борьбы за партийность литературы и учебы кружковцев-ударников у Маркса, Ленина, Сталина, выступил с контрреволюционной троцкистской речью комсомолец, член литоб'единения Гусев. Он сделал жалкую попытку оторвать задачи пролетарской литературы от общих задач, поставленных т. Сталиным перед большевистским идеологическим фронтом, и заявил, что «Ленин и Сталин о литературе не писали, значит нам у них учиться нечему». Этот троцкистский выродок решил противопоставить свой голос [illegible] партии, Ленина и лучшего ленинца, вождя партии и рабочего класса т. Сталина, воспитывающего партию в большевистской непримиримости ко всяким извращениям марксизма-ленинизма, продолжающего разработку ленинизма, теоретически обосновавшего новые задачи партии и Коминтерна.

Естественно, что выступление Гусева не было его случайной ошибкой. До этого он занимался откровенно антисоветскими разговорами «по углам» и проводил контрреволюционные троцкистские идейки в своих стихах.

Большинство рабочих кружковцев дало решительный отпор Гусеву. Однако нашлись и такие — кружковцы Крейндель и Овсянников, — которые отнеслись к нему примиренчески, проявили «гнилой либерализм» и лишь под давлением актива остальных членов литоб'единения, осознали свою ошибку (Овсянников — здесь же на собрании, а Крейндель — впоследствии).

Литоб'единение в целом в основном верно отнеслось к выступлению Гусева, но и оно совершило ошибку, не исключив Гусева немедленно из своих рядов.

Фракция секретариата МАПП отметив эту ошибку об'единения, а также ошибки Овсянникова и Крейнделя, политически охарактеризовала выступление Гусева и постановила исключить его из МАПП (по имеющимся сведениям Гусев исключен из комсомола).

Фракция призвала маповцев «к величайшей классовой бдительности и решительному отпору всяким контрреволюционным троцкистским вылазкам и гнилому либерализму по отношению к ним, к борьбе за чистоту партийной линии в литературе».

На том же заседании фракция секретариата МАПП обсудила вопрос о Государственном институте кинематографии. Фракция целиком присоединилась к постановлению краснопресненского райкома партии, «как в отношении оценки состояния и задач ГИК, так и в отношении квалификации правооппортунистических ошибок т. Шукайло и выводов в отношении него».

Тов. Шукайло, член правления и президиума МАПП, руководитель киносекции МАПП, в своей педагогической работе в ГИК и в коллективе МАПП при нем допустил ряд грубейших правооппортунистических и «левацких» ошибок.

На одном из занятий Шукайло скатился к утверждению теории «врастания кулака в социализм» и об'явил ее «одной из основных, центральных для пролетарской литературы» тем. Когда же он стал признавать эту свою ошибку, то опять же не сумел стать на позиции ленинской партийности, сделав «левацкое» заявление, что показ кулачества вообще не может иметь места в творчестве пролетписателей, ибо их творчество партийно, а «художественное обобщение этого явления (кулачества) имело бы своим результатом антипартийность». Совершенно очевидно, что это заявление не имеет ничего общего с правильным решением вопроса, по-делячески капитулируя перед трудностями, содержа в себе неверие в силы пролетарской литературы, якобы неспособной средствами искусства разоблачать классового врага, сорвать с него маску. Творческая практика пролетлитературы уже опровергла эту линию наименьшего сопротивления («Хлеб» Кириллова, «Бруски» Панферова, «Страх» Афиногенова и т. д.).

Недостаток партийной твердости у т. Шукайло сказался и при разработке им учебных программ, в которых разбор теорий Воронского, Переверзева и др. лишен должной политической заостренности, что не дало четкости в линии борьбы на два фронта, борьбы за ленинский этап в искусствознании.

И своей во многом ценной практической работе т. Шукайло также допустил ошибки «левацкого» порядка, смешивая попутчиков и союзников с врагами пролетлитературы.

Фракция, отметив ошибку коллектива МАПП при ГИК, вообще успешно боровшегося с враждебными влияниями, но своевременно не раскритиковавшего ошибки т. Шукайло, постановила проверить работу коллектива и работу киносекции МАПП, а т. Шукайло вывести из состава президиума и правления МАПП и снять с руководства киносекцией МАПП.

Наконец последний ряд фактов, на которых мы заостряем внимание, говорит о наличии влияний на некоторых членов наших организаций есенинщины, как одной из форм контрреволюционной кулацкой идеологии.

Наиболее ярко проявления есенинщины нашли в Рязани, в творчестве литкружка рязанского промстройтехникума.

Так, Д. Петров (бывший член бюро кружка, сейчас исключенный из литкружка, а также из комсомола), писал сплошь упадочнические стихи под Есенина, рабски ему подражая, тоскуя о «беспечной жизни и любви», о «былом, далеком» и т. д. Типичный мелкобуржуазный хлюпик Петров не смог найти содержания для своего творчества в пафосе социалистического строительства, он искал «вдохновения» в томиках Есенина.

Естественно, что для Петрова, полностью принявшего «философию» есенинщины, часы потекли «спокойно монотонно», а когда он попытался искать «человека сегодняшних дней», то, «перерыв всех людей эпохи», не нашел его.

Не трудно видеть что такое упадочничество, такая конкретизация линии Есенина сегодня перерастает в контрреволюционную клевету на наше строительство, на нашу эпоху, и потому должна быть беспощадно разоблачена.

Между тем в Рязани решили иначе. Руководитель кружка, член правления РОПКП Раховский фактически прикрывал кулацкого подпевалу Д. Петрова, закончившего свой «творческий путь» вздорными стихами в альбом одной студентки. Не дало отпора Петрову и оппортунистическое руководство РязАПП, оторвавшееся от жизни литкружков.

А Петров ведь в Рязани был не одинок. Например, другой кружковец Андросов, на протяжении довольно обширной повести, занимался «вопросом»: может ли комсомолец быть вором, и показывал переживания своего героя, укравшего галоши. Основной вывод, к которому на основе этих «исканий» пришел Андросов, таков: «Рыбы-акулы люди проглотить».

И это «творчество» прошло в Рязани для руководителей литературного движения незамеченным! Есенинщина в Рязани была вскрыта лишь в результате вмешательства комсомола.

Секретариат МАПП постановил распустить руководство РязАПП, а секретаря ассоциации Н. Корева — вывести из президиума МАПП. О В. Раховском вопрос поставлен перед РОПКП.

Есенинщина в Рязани должна быть разбита полностью. Новое правление ассоциации под руководством партийного комитета должно решительно перестроить всю работу ассоциации, и в первую очередь развернуть ленинское воспитание литературных кадров, выжигая корни есенинских влияний в творчестве кружковцев. Комсомольская организация Рязани, проявившая необходимую бдительность и возглавившая борьбу с есенинщиной, должна закрепить этот поворот в литературе систематической помощью в работе РязАПП.

Уроки РязАПП должны быть учтены всеми московскими литкружками, тем более, что элементы есенинщины наблюдаются за последнее время и у некоторых кружковцев Москвы (на ф-ке им. Калинина «Мосэлектрик»).

Троцкистские контрабандисты, правые и «левые» оппортунисты, кулацкие трубадуры должны быть разоблачены полностью и до конца, где бы они свою голову не поднимали.

Н. БОРОВОЙ, А. ШИПИЛИН, И. БАХТАМОВ, И. КУБЛАНОВ

БУДЕМ НЕПРИМИРИМЫ К ВРАГУ

НА АКТИВЕ МАПП

Собрание актива МАПП обсуждало 5 января в свете письма т. Сталина задачи борьбы со всякого рода троцкистской и контрреволюционной контрабандой в литературе, литературоведении, критике.

Тот факт, что рост успехов социалистического строительства сопровождается усиленным сопротивлением классового врага, в том числе троцкизма, представляющего собой передовой отряд мировой контрреволюционной буржуазии, докладчица А. ГРУДСКАЯ иллюстрирует длинным рядом примеров из области литературной теории, в частности на ТРОЦКИСТСКИХ «трудах» Г. Горбачева и Г. Лелевича.

КОНТРАБАНДА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ представлена не только в теории литературы: с помощью гнилого либерализма иных редакций и издательств она ПРОЯВЛЯЕТСЯ И В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ.

Типичной троцкистской контрабандой является например «Ортодоксы» Тарасова, в которых клеветнически изображаются партийные кадры. Книга В. Ассанова «День начинается в 7 часов утра» и Л. Гумилевского — «Головорезы» служат не менее яркими примерами контрреволюционной контрабанды, как и «Повороты» А. Яковлева, печатавшиеся в первых номерах «Нового мира» за прошлый год и представляющие собой идеализацию гапоновщины.

— В связи с теорией «Истории заводов», — говорит А. Грудская, «Повороты» А. Яковлева являются предостережением, указывающим, как нельзя писать художественную историю революции 1905 года: автор «Поворотов» видит глазами буржуазного либерала.

Участники прений дополнили этот список указаниями на ряд враждебных вылазок, срывов, фактов примиренчества к ним.

И. БОГОВОЙ указывает на дезориентирующие читателя предисловия к переводным книгам, издаваемым в ГИХЛ, на ошибочное предисловие Н. Асеева к книжке стихов Железнова «От пера к перу». В этом предисловии Н. Асеев выражает враждебные по существу идеи, утверждая бытовщину беспризорника, вырастающего в эпоху, примириться с «[illegible] ударами», которые наносит современная эпоха»...

А. Виноградов рассказывает о том, что в предпринятом Огиз академическом издании полного собрания сочинений Л. Толстого включаются его молитвы, евангелие и все религиозные писания. Этим проявлением гнилого либерализма со стороны Огиз очень обрадовались церковники. Не без основания беспокоились руководящие органы со всей строгостью не указать на [illegible] (мы надеемся, что это будет немедленно сделано! — Д. К.), толстовцы всячески торопят выпуск именно тех томов, куда должны войти религиозные сочинения Толстого.

Дополнениями к этим фактам служат указания С. КИРЬЯНОВА об антипартийных вылазках в Гиик (о них в свое время писалось в «ЛГ») с правооппортунистической выступления И. Шукайло в Государственном институте кинематографии, о троцкистской вылазке Гусева на заводе «Амо».

Н. ШУЦКАНОВ отмечает грубейшие политические ошибки т. Рафаила в выступлении в статье об «Истории заводов»; И. МАКАРЬЕВ указывает на антипартийное выступление Г. НИКИФОРОВА, который [illegible] буржуазные представления о ненужности публицистических высказываний и художественного творчества писателя.

Тт. ЛОСЕВ и МИЛИДИН (доклад) говорят о необходимости усилить внимание местных АПП к разоблачению троцкистов и маскирующихся литературных контрреволюционеров, работающих в провинции, где многие из них находят себе приют. Будут разоблачены в [illegible] в Саратовском крае «функционирующие бывшие литераторы» — Л. Питоэфф и Черняков — он же «Бор. Таннин», во Владимире во главе Ассоциации пролетарских писателей стоит толстовец Горбунов...

Все эти факты говорят о еще НЕДОСТАТОЧНОЙ БДИТЕЛЬНОСТИ РЕДАКЦИЙ, ИЗДАТЕЛЬСТВ, ЛИТОРГАНИЗАЦИЙ, о недостатке общественного контроля над их деятельностью, о необходимости МОБИЛИЗОВАТЬСЯ ДЛЯ ЖЕСТОКОГО ОТПОРА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМ ВЫЛАЗКАМ И ПРЕДАТЕЛЬСКОМУ ЛИБЕРАЛЬНИЧАНИЮ.

Д. К—М

ГАИС—ШТАБ АНТИЛЕНИНСКИХ ТЕОРИЙ

НА СОБРАНИИ ЯЧЕЙКИ РАПП при ГАИС

В Государственной академии искусствознания свили себе гнездо троцкистские контрабандисты и меньшевистские теоретики всех мастей. Бывший ученый секретарь Гаис, троцкистский контрабандист Лелевич с трибуны Гаис протаскивал троцкистские идеи (см. резолюцию бюро ячейки Гаис, напечатанную в прошлом номере «Л. Г.»). Лелевич фактически руководил работой литературного сектора Гаис и, являясь членом директората Гаис, получал у него соответствующую поддержку.

До сих пор в литсекторе Гаис мирно сожительствуют проф. Переверзев, Аксельрод-Ортодокс, Кубиков, Ренявин и др.

Для характеристики позиции Л. Аксельрод-Ортодокс достаточно сказать, что на заседании литсектора Гаис она заявила о том, что письмо т. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма»... не имеет никакого отношения к литературе и искусству.

В Гаис проявляется и переверзевщина во всех ее разновидностях. Выступления Переверзева в Гаис показывают, что он ни от одной из своих ошибок не отказался, а наоборот, попрежнему отстаивает свои меньшевистские теории.

На собрании секции критики и публицистики Гаис они встали против проработки письма т. Сталина и предоставляется слово для доклада о ленинском марксизме меньшевику Кливенскому, который «не заметил» разницы между Струве, Плехановым и Лениным в период работы журнала «Новое слово». Марксизм Ленина подменяется у Кливенского струвизмом. Отпор, данный этому выступлению секретарем бюро рапповской ячейки Гаис т. Власовым, т. Путинцевым и Низовцевым не получил решительной поддержки у руководителя секции Лебедева-Полянского.

Кубиков, являясь одним из руководителей секции дооктябрьской пролетарской литературы, протаскивает меньшевистские теории по вопросам пролетлитературы.

Проф. Карпов, этот ярчайший пример воинствующего идеализма в искусствознании, в своих выступлениях в Гаис развивал контрреволюционные теории. Эти выступления, несмотря на разоблачение их комсомольской организацией Гаис, были покрыты руководителями Гаис тт. Агаповым и Челяповым (ныне уже освобожденными от работы в Гаис).

В книге «Творчество душевнобольных» Карпов выступает против диктатуры пролетариата.

«... Человечество в настоящее время находится в стадии такого развития, когда его сознанию присуще лишь создание нелепейших теорий. Как бы ни были убедительны теории, через 25 лет они обычно сменяются новыми и переходят в область истории».

Т. Лелевич был рупором всех этих враждебных теорий. Он всячески восхвалял и покрывал меньшевистские теории Аксельрод-Ортодокс на дискуссии с ней. Он стремился прикрыть реакционные теории проф. Карпова и охарактеризовал его взгляды, как взгляды «попутчика». Лелевич «не обратил внимания» на выпады в Гаис Переверзева против М. Горького. На ответственных собраниях в Гаис Лелевич проводил антирапповские тенденции, пытаясь доказать, что РАПП в своей работе не опирается на революционную практику. Он отождествлял РАПП с групповщиной и т. д. Агапов и Малько утверждали, что в Гаис идет «травля» Лелевича.

* *

Все эти вопросы о положении в Гаис были подняты в выступлениях товарищей на собрании ячейки РАПП при Гаис 29 декабря, заслушавшей доклад М. Серебрянского об итогах 5 пленума правления РАПП.

Выступавшие в прениях товарищи признали, что они запоздали с критикой и разоблачением троцкистской контрабанды Лелевича.

— Мы только сейчас спохватились и заговорили о том, что Лелевич протаскивает троцкистские идеи, — отмечает аспирант Гаис т. Гвоздарев. — А когда Лелевич читал у нас свои лекции и проповедывал свои троцкистские теории, мы по-большевистски не раскритиковали и не разбили их.

— Рапповская ячейка, организовавшаяся лишь в нынешнем учебном году, прозевала ряд больных явлений в Академии. В Гаис существует гнилой либерализм к троцкистским теориям, — заявляет т. Ковальчик.

Секретарь партячейки Гаис т. Резунович признал только то, что новое партбюро Гаис запоздало (!) с критикой троцкистских теорий Лелевича.

— В последнее время бюро ячейки РАПП, — говорит т. Денисова, — взялось за «организационную критику» теорий Лелевича, но еще не сделаны политические выводы о его выступлениях.

Тов. Власов, подводя итоги прениям, дал в своем выступлении развернутую оценку положения в Гаис и указал, что рапповская ячейка Гаис настаивает на исключении Лелевича не только из партии, но также и из Гаис, где он еще числится членом Академии. Также решительно надо ставить вопрос о настаивающих на своих меньшевистских теориях сотрудниках Гаис, как Переверзев, Кубиков, Кливанский и т. д.

* *

Собрание ячейки РАПП при Гаис целиком одобрило постановление 5 пленума правления РАПП и приняло ряд конкретных решений, направленных к оздоровлению положения в Гаис.

А. К.

МНИМЫЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ

О ДЕЛЕ тов. ЛИНЕЦ В ГАИС

«Литературная газета» напечатала в № 60 от 18 декабря 1931 г. материал о недопустимом, безобразном отношении со стороны Гаис к ее мурманской экспедиции. В основном дело заключалось в том, что начальник экспедиции Гаис т. ЛИНЕЦ — молодая советская социалистка, научная сотрудница фольклорного кабинета Гаис — приезжавшая на несколько дней в Москву, чтобы отчитаться в своей работе и получить необходимые дополнительные суммы для дальнейшей работы экспедиции — в ТЕЧЕНИЕ ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ МЕСЯЦЕВ НЕ МОГЛА ДОБИТЬСЯ НИ УТВЕРЖДЕНИЯ ФИНАНСОВОГО ОТЧЕТА, НИ РЕЗОЛЮЦИИ ПО УСТНОМУ И ПИСЬМЕННОМУ ЕЕ ДОКЛАДАМ, НИ САНКЦИИ НА ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТЫ. За это время т. Линец подвергалась травле со стороны отдельных работников Гаис. Заместитель директора Гаис т. Агапов угрожал ей судом, стенгазета Гаис поместила безобразную по тону и содержанию статью. На ответном собрании т. Линец обвинялась в «алфосовских», «антифронтовских», «обструкционистских», «ниспровергательских» и т. п. установках. Поданное ею заявление в бюро партячейки с просьбой разобрать ее дело и расчистить атмосферу бюрократизма, травли и волокиты, создавшуюся вокруг нее, — оставалось НЕРАССМОТРЕННЫМ.

В результате вмешательства «Литгазеты» в Гаис была создана комиссия для разбора дела т. Линец. Рапповская ячейка Гаис также занялась этим делом. Фольклорный кабинет к этому времени вынес резолюцию по докладу т. Линец, признав ее работу удовлетворительной. Администрация, в лице т. Агапова, уже во время работ комиссии утвердила наконец финансовый отчет т. Линец.

Комиссией обвинения т. Линец в неправильных литературно-политических установках признаны неосновательными. Администрацией Гаис предоставлен т. Линец трехмесячный отпуск для продолжения работы на Мурманске. Признано кроме того необходимым проверить состав работников фольклорного кабинета Гаис.

Факты травли, бюрократизма, волокиты, нездоровых, нетоварищеских отношений со стороны работников Гаис к т. Линец комиссией подтверждены.

Однако в специальном постановлении комиссии содержится ряд моментов, свидетельствующих о тенденции смазать основные ошибки Гаис по отношению к т. Линец. Так, например, постановление комиссии, признавая статью «Литгазеты» правильно и своевременно отражающей суть дела, все же считает заголовок статьи — «в травле» — «не соответствующим содержанию». Из постановления комиссии [illegible] пункт о [illegible] бюро ячейки разобрать заявление т. Линец. С другой стороны, в постановление комиссии [illegible] пункт о том, что основной причиной конфликта с т. Линец является ее ошибка, заключающаяся якобы в том, что т. Линец не заключила договора с художником [illegible].

В действительности же ОСНОВНОЙ причиной конфликта, который был предметом разбора комиссии, нужно считать нездоровую атмосферу в Гаис, попытку, под предлогом борьбы с антифронтовщиной, протащить беспринципную травлю и склоку.

ГНИЛОЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ЛЕНГИХЛ*)

Ячейка ВКП(б) ГИХЛ отмечает, что в целом ряде книг, изданных ГИХЛ, таких авторов, как Горбачев, Малевич, Назаренко, протаскивались идеи контрреволюционного троцкизма; в книге Камегулова протаскивались идеи меньшевиствующего идеализма. Все это должно рассматриваться не иначе, как яркое проявление гнилого либерализма, как притупление классовой бдительности со стороны издательских работников и ответственной редактуры, допустивших издание этой литературы.

Несмотря на засоренность портфелей, принятых от старого руководства ГИХЛ, новый руководитель ГИХЛ т. Старчаков в своей работе проводил классово-правильную политику, ввиду чего им был подписан ряд договоров на рукописи, которые были изъяты комиссией по чистке портфелей.

Одновременно с этим, либеральное отношение было проявлено редактурой к протаскиванию кулацко-буржуазной идеологии в ряде книг, изданных ГИХЛ.

Ячейка считает необходимым передать в соответствующие партийные и комсомольские организации для наложения взыскания за либеральное отношение к протаскиванию троцкистской контрабанды, за ослабление классовой бдительности редакторов тт. Слесарева, Ковалева, Бутенко, Короткова, Чагина; отметить, что новым руководством ГИХЛ (Старчаков, Горев) прием производственного и руководящего портфелей был проведен механически, безответственно, без последующей политической проверки [illegible] ошибки последующего руководства были новым частично продолжены.

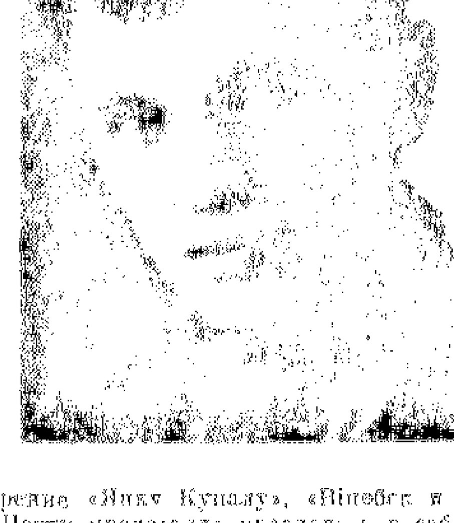
Партийное собрание постановляет: согласиться с постановлением бюро коллектива Огиз о строгом выговоре и снятии с работы т. Старчакова. Указать т. Гореву, что им не было проявлено достаточной бдительности и решительности в деле перестройки работы ГИХЛ на основании постановления ЦК, а также не обеспечен контакт с парторганизацией ГИХЛ.

Бюро ячейки прежнего состава не сумело добиться реализации [illegible] настроений в деле перестройки издательства, несмотря на указания бюро и письма коллектива. Собрание ячейки постановляет: распустить бывший состав бюро.

*) Из постановления ячейки ВКП(б) Ленинградского отделения ГИХЛ.

ПОЭТ ПРОЛЕТАРСКОЙ БЕЛОРУССИИ

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. АЛЕКСАНДРОВИЧА



Десятилетие литературно-художественной деятельности поэта Андрея Александровича, исполнившееся в декабре 1931 г., есть факт большого литературно-политического значения. Андрей Александрович принадлежит к числу лучших пролетарских поэтов Белоруссии, а его произведения, проникнутые пролетарским энтузиазмом и ненавистью к классовому врагу, популярны не только в советской Белоруссии, но и в Западной, где они, образно рисующие достижения БССР, вдохновляют рабоче-крестьянские массы на борьбу с польским фашизмом.

Отмечая десятилетний творческий путь А. Александровича, БелАПП подводит вместе с тем некий конкретный итог своей борьбы за пролетарскую литературу, за писателя, проникнутого мировоззрением пролетариата. Генеральная линия партии и ленинская национальная политика — вот та основа, на которой боролось и складывалось пролетарское литературное движение в Белоруссии за 10 лет своего существования. Начавшись единичными выступлениями таких поэтов, как Михась Чарот и Андрей Александрович, пройдя кружковый период «Маладняка» (1923 — 1926 гг.), оно сейчас, с призывом ударников в литературу, выходит на широкую дорогу массового пролетарского движения. Творческий путь Александровича знаменателен и тем, что в нем мы находим наиболее типические черты и особенности, свойственные всему послеоктябрьскому белорусскому пролетарскому литературному движению.

Андрей Александрович родился в 1906 г. в семье ремесленника-сапожника. [illegible] в автобиографической поэме «Двадцать». В 1921 г. 15-летний Александрович начинает помещать в газетах свои первые стихи. Вскоре он становится комсомольцем и одним из организаторов «Маладняка» (1923 г.) — первой литературной организации в Белоруссии. Творчество раннего Александровича и определялось как раз идейными и творческими установками «Маладняка».

В чем была сущность этих установок? Прежде всего нужно отметить, что пролетарскую революцию «Маладняк» воспринимал в [illegible] романтики, причем молодежь рассматривалась «маладняковцами», как самодовлеющая сила в революции *. Отсюда — «Маладняк» не только условное название, но и лозунг движения и творчества. Так в декларации «Маладняка», опубликованной в 1923 г., мы читаем: «Мы — маладняк фармальной старазы мастацкай творчасьця». И действительно, в одном из ранних стихотворений Александровича, поэт, определяя так сказать программу своего творчества, писал:

Мая песьня —
Но и орал,
Маладняк
і
Вена гуль.

Но вместе с тем Александрович был единственным поэтом в «Маладняке», который сделал пролетарский город и рабочего своей основной темой. Притом ему принадлежит заслуга и в том, что он первым в белорусской литературе подошел к городу и рабочему не с точки зрения выходца из деревни, не враждебно (как например Ц. Гартный), а стал изображать город, завод и рабочего именно как основную руководящую силу в борьбе и строительстве новой жизни. На первом этапе А. Александрович, еще не освободившийся от влияния старой националистической литературы, пытается совместить старое романтическое представление о Белоруссии с новым ее положением — страны диктатуры пролетариата. Таким он выступает перед нами в одном из своих ранних произведений в фантастическом рассказе «Полет в прошлое», в котором герой, рабочий выступает, как энтузиаст «романтического» прошлого Белоруссии. Позже мы встречаем этот мотив национал-демократического романтизма в ряде стихотворений Александровича. Но «романтизм» постепенно исчезает, по мере углубления пролетарского мировоззрения поэта.

Уже в первом сборнике стихотворений «На беларускім бруку», вышедшем в 1925 г., Александрович выявляет отмеченные нами черты в мировоззрении и творчестве. Основное в сборнике — «рытмы Менска», его заводов и улиц.

Интересно в этом сборнике стихотворение «Песьня вясне і фабрычных сталкоў», в котором поэт с художественной яркостью показывает руководящую роль пролетарского города по отношению к деревне. Это очень важно для того этапа, ибо лишь немногие из белорусских поэтов в то время стояли на уровне понимания великого смысла союза рабочих и крестьян. Александрович же писал:

Помнім, помнім прызмураны Леніна
Табе, вёска, сказаў — дай руку
І сонька мапы ай прамяны!
У твая сэрца задасьць друкуючы!
(На бел. Бруку, 23).

В следующем сборнике «Прозаладь» (1926 г.) наметившаяся тенденция к пролетарско-городской тематике выступает более явственно и полно. От рабочего вообще, которого Александрович воспринимал не без идеализации, он переходит к образам конкретных рабочих и пишет ряд стихотворений, как например: «Машинист», «Шахцёр», «На заводзе» и др., в которых зарисовывает типические черты белорусского рабочего. Одновременно он выступает как поэт-агитатор, которому близки и темы политические, темы нового быта, работа комсомола и т. д.

Не было бы неправильным утверждать, что уже на этом этапе Александрович выступал как вполне оформившийся пролетарский поэт. Черты пролетарского интернационализма уже явственно обозначились в ранних произведениях Александровича («Повстанцы» и др.), однако в противоречии с этим качеством мы все еще находим у него ряд стихотворений, где мотив национальный преобладает над классово-пролетарской оценкой (например, стихотворение «Янку Купалу», «Віцебск» и др.). Поэту предстояло преодолеть в себе остатки этой мелкобуржуазной идеологии.

К началу реконструктивного периода позиции пролетариата на фронте литературы значительно укрепились. Вместе с тем в литературе усиливается также дифференциация и классовая борьба, выразившаяся в ряде попыток контрнаступления со стороны националистически [illegible] писателей (Дубовка, Пущча и др.). Творчество Александровича в этом периоде идет под знаком укрепления в нем пролетарской идеологии и изживания мелкобуржуазного романтизма.

Характерно отметить то новое в мировоззрении и творчестве Александровича, что принес с собой данный период пролетарского литературного движения и классовой борьбы. Это новое состоит в сознательном стремлении поэта служить делу коммунистической партии и рабочего класса. В поэме «Ледзянін» поэт говорит о себе в таких словах:

Пайшоў і я дарогай нам пісцай,
Пайшоў з рабо[illegible]
Пайшоў бадзёры [illegible]
асістай

І [illegible] з грамадай камуністых
Зь пагдай песьню укладаю у [illegible]

Правда, в названной поэме Александровича довольно чувствительны еще настроения, характеризующие в общем чувства ранее угнетенной нации («Глухаці нас... Хіба што нас пракля... — [illegible]»). Но важно все-таки не это — [illegible] развивающееся в поэме чувство органической связи с рабочим классом и его партией. И не случайно Александрович в это время пишет ряд сильных политических стихотворений («Ірмудзях», «Міністр» и др.), направленных против классовых врагов пролетариата. В частности, в стих. «Падарожжа» Александрович дает резкий отпор кулацко-буржуазному поэту, выступившему с контрреволюционными «Ветах да сябра». Однако и на этом этапе Александрович еще не занял четкой политической позиции в отношении пролетарского литературного движения; после выхода из «Маладняка» он примыкает к организации «Полымя» (1927 г.), которая впоследствии явилась определенной литературной агентурой нацдемов. Несомненно, что имевшие место у Александровича отдельные националистические ошибки (в частности, так называемое «Письмо трех») националистически демократического порядка находятся в прямой связи с его пребыванием в «Полымі». Здесь нужно отметить, что Александрович исправил эти ошибки не только политическим признанием, но и своим художественным творчеством, направленным на разоблачение нацдемовщины. Осознание этих ошибок Александрович завершил окончательным переходом (в 1929 г.) в ряды Белорусской ассоциации пролетарских писателей.

*

Вступление Александровича в ряды БелАПП несомненно явилось крупным литературно-политическим и творческим шагом в развитии поэта. Если до этого времени Александрович был по преимуществу поэтом малых лирических форм, то, начиная с 1929 г., он выступает перед нами, как автор ряда больших лирико-политических поэм («Цені на сонцы», «Нараджэньне чалавека» и др.), свидетельствующих об идейном и формальном росте поэта. В этих своих поэмах Александрович переходит от отдельных фактов к философскому осмыслению основных проблем и тенденций действительности (проблема нового человека, соотношение классового и национального в человеке и т. д.), причем эти вопросы поэт ставит и решает в связи и на основе классовой борьбы пролетариата.

В тесной связи с этим процессом находится влияние на творчество Александровича Маяковского. Он далек от простого механического подражания Маяковскому — нет, Александрович берет от него лучшие черты творчества — политическую заостренность, меткость удара, ненависть к врагам пролетариата. И не случайно Александрович в одной из своих лучших сатирических поэм «Цені на сонцы» берет эпиграфом слова Маяковского:

«Это очень важное дело,
если б революция захотела
С [illegible] особый отдел
Эту мелочь списать в расход».

«Цені на сонцы» — это все те, что под защитой мимикрии приспособились, это нэпманы, — лживые и продажные «друзья народа», торговавшие им оптом и в розницу. Против них «враждебных теней» и направлено негодование и сатира Александровича. Он срывает с них [illegible] маски» и берет [illegible] во всей наготе [illegible] к пролетарской диктатуре на классового врага».

Бюрократычнаму ён
(Нервы пухнуць прыгрымаш)
Расстрэль ам—
ЗаКайлара ай збрыі,
Праваспышць сайго у
Адзава тэлеграм
Напамінау крываваю рукою...»
(«Цені на сонцы», 19).

В этих словах — типический портрет контрреволюционного нацдема, — всех этих Ластовских, Некрашевичей и Ко. Александрович, разоблачая этих врагов, убежден в мощи пролетариата и поэтому его поэма заканчивается бодрым призывом страны к большевистской упорной работе.

В «Поэме вызваленьня», посвященной 10-летию освобождения Белоруссии от белополяков, поэт, оставаясь на позиции пролетарского интернационализма, рисует энтузиазм и пафос революционной борьбы за советскую Белоруссию. Он по-новому осмысливает всю предшествующую историю Белоруссии, нанося удар буржуазно-романтическим иллюзиям и псевдо-народнической старой «нашенивской» литературы. Когда-то, говорит поэт, «была у тэй старонцы расійская турма»... Теперь —

Жыцьця законы зменены
Турмы зрушаны [illegible]
[illegible] гордым [illegible] Леніна
У людзі [illegible] рай.
(«Паэма Вызваленьня», 44).

Таким образом, Александрович все более приближается к ленинскому пониманию вопроса о соотношении классового и национального моментов в художественном творчестве, о доминирующей роли первого над вторым. В этом смысле Александрович дал ряд произведений, приближающихся к определению национального искусства, данного тов. Сталиным: «пролетарское по содержанию и национальное по форме». В поэме «Нараджэньне чалавека», вышедшей в 1931 г., Александрович ставит проблему нового человека, «рождающегося» в условиях классовой борьбы и строительства социализма. Не будем здесь говорить о том, насколько ему удалось художественно справиться с этой задачей (в частности [illegible] сюжет поэмы говорит против этого). Но, скажем, что Александрович, пытаясь об'яснить и вывести сознание нового человека (Марыля) из процесса классовой борьбы, из условий новых отношений на социалистическом предприятии — стоит на правильных методологических позициях. Нужно только, чтобы он углубил это понимание связей отдельного человека с классом, которой (связью) опосредствованы даже так называемые интимные стороны человеческой психики. Пока у Александровича мы встречаемся с элементами схематизма в об'яснении закономерностей поступков его героев. В своей новой пьесе «Напор», посвященной борьбе ленинского комсомола за выполнение производственного плана, Александрович делает значительный шаг вперед на пути изживания схематизма. Большинство действующих лиц пьесы (комсомольцы, сезонники, вредители) показаны не однообразной массой, а индивидуализировано, со своими особенными чертами, но не отрывающими их от своей классовой группы.

Однако, говоря о значительном росте Александровича в борьбе со схематизмом, было бы неправильно скрывать от него все еще довольно сильное влияние схематизма и описательности в его творчестве. Нередко Александрович, отдаваясь совершенно непосредственному чувству радости от виденного, забывает о необходимости научно-философского осмысления действительности. Поэтому у него имеется некоторый разрыв между конкретными фактами, получившими отражение в его стихотворениях, и между обобщающими образами строителей советской Белоруссии — рабочих и колхозников. Мы далеки от того, чтобы, подобно некоторым поэтам от литературы (имеющимся даже внутри БелАПП), огульно осуждать «агитационный» жанр произведений Александровича. Но мы думаем, что политическая заостренность произведений никогда не исключала и не исключает глубокого синтетического обобщения.

У Александровича — поэта-коммуниста есть все данные к тому, чтобы он вырастал в пролетарского поэта большевистских обобщений и образов. Марксистская критика, которая до сих пор недопустимо мало занималась творчеством Александровича, должна ему помочь выполнить эту ответственную задачу.

Т. КРАСНЕВСКИЙ

* Нам кажется несомненным влияние на идеологию кулацко-крестьянской части «Маладняка» троцкистской теории о молодежи, как «барометре революции».

ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ—ЗАБРОШЕННЫЙ УЧАСТОК

ПЕРЕВЕРЗЕВЩИНА, ФОРМАЛИЗМ, ТРОЦКИСТСКАЯ КОНТРАБАНДА, ХАЛТУРА В УЧЕБНИКАХ И ПРОГРАММАХ

ВНИМАНИЕ ЛИТЕРАТУРЕ В ШКОЛЕ!

Художественная литература становится одним из важнейших факторов строительства новой культуры пролетариата. Партия и пролетарская общественность уделяют серьезнейшее внимание литературному фронту. Под руководством партии, ведущий отряд литературы РАПП, вместе с другими литературными организациями, берется за разрешение грандиозной проблемы создания Магнитостроя литературы.

Одним из важнейших условий разрешения этой проблемы является борьба за ленинский этап в литературной теории, марксистской критике. Историческое значение в этом деле имеет письмо т. СТАЛИНА «О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА», поставившее задачу решительной борьбы со всеми чуждыми, контрреволюционными влияниями на идеологическом фронте. В связи с задачей борьбы за партийность теории в порядке дня стоит пересмотр работ Плеханова, Фриче, Меринга, Воровского, развернутая критика отдельных ошибочных положений в работах Авербаха, Афиногенова, Либединского и др.

В этой обстановке совершенно нетерпимо то положение, которое существует с преподаванием литературы в школе. В тот момент, когда по словам т. Бубнова, литература «становится одним из наиболее передовых участков строительства новой культуры пролетариата», больше нетерпимо положение, при котором в учебных пособиях, в учебных программах по литературе продолжают господствовать переверзевские теории, формализм, контрреволюционная троцкистская контрабанда, халтура.

Производственное совещание рапповской критики должно обратить серьезнейшее внимание на этот забытый участок литературного фронта. Одна из важнейших задач на этом участке — создание доброкачественного, теоретически-грамотного учебника литературы. Учебники и пособия по литературе, вроде пресловутых «трудов» Горбачева, Назаренко и др., должны быть немедленно из'яты из обращения. Точно также должны быть решительно раскритикованы и пересмотрены существующие программы по литературе, должен быть положен предел тому безобразному явлению, при котором преподавание литературы в школе находится где-то на задворках. Не только органы народного образования, педагог-словесник, методист отвечают за литературное воспитание наших кадров, но и литературные организации, в первую очередь РАПП, несут эту ответственность.

И разве не безобразно то положение, когда одним из «солиднейших» пособий по литературе и искусству является «хрестоматия», составленная Юшкевичем и Стоппнером («Литература и искусство в марксистском освещении»), выдержавшая несколько изданий, где под видом марксистских литературоведов и теоретиков выступают Троцкий, Воронский, Горбов?! Надо не забывать, что на подобных пособиях воспитывается наша рабочая молодежь, рабочий-ударник, идущий в литературу.

Литература в школе и в вузе имеет самое ближайшее отношение к пролетарскому литературному движению. РАПП должна возглавить борьбу за изменение положения на этом участке литературного фронта. И первое слово должно сказать производственное совещание рапповских критиков.

«ХУДОЖЕСТВА» В ПОСОБИЯХ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Перед нами ряд учебников по литературе на 1931—32 учебный год.

В учебниках для Северного Кавказа *, допущенных краевым учебно-методическим сектором, мы встречаем целый поток прозаической и стихотворной халтуры. Вот, например, в стихотворении «Пахота» (С. Троицкая — «Юный горец» — учебник для горских школ) мы встречаем такие впечатляющие и прямо-таки запоминающиеся (без всякой иронии!) стихи:

«Па-па... пашем ниву
Мы сплошному коллективу.
Трак. Трак. Дрожи кулак».

В этих высокопробнейших строчках обращает внимание понятие «сплошной коллектив». Есть «сплошная коллективизация», есть «сплошной массив», но что это за «сплошной коллектив» — это совершенно неясно.

Составители большинства учебников идут по своеобразной линии, считая литературный материал актуальным и подходящим для учебника, если только есть в нем то или иное «актуальное» слово «трактор», «кулак» и т. п. Вот например, какие вирши печатаются в одном из учебников Северного Кавказа:

«Мы идем быстрее всех,
Посмотри, какой успех;
За один лишь третий год
518 строим заводов,
А в этом же самом году
МТС 1040 будет в ходу».

Очень актуально — 518 и 1040! А не понимают составители, что эта безобразная рубленая проза только мешает учащимся воспринять характер нашего соцстроительства.

Но наряду с «актуальными» в учебниках бывают и не «актуальные», но не менее «многозначительные» и «глубокомысленные» стихи:

«Отец ел огурец,
Сын к нему подошел
И спросил у отца:
«Дай, отец, огурца».

Составители этого учебника для обучения татарских и башкирских детей русскому языку (Арсланов и Богданович «Красная звезда». Казань — Татиздат, 1931 г.) к сожалению не сообщили, дал ли отец своему сыну огурца. А это так интересно!

Прозаический материал, просмотренный нами в учебниках Северного Кавказа для первого и второго года обучения, не менее любопытен, чем «поэтический». Показ классовой борьбы, разоблачение кулака обычно подается в авантюрном плане. Кулак стреляет в председателя колхоза, кулак прячет хлеб, сам где-нибудь прячется, — а вот показать кулака как эксплоататора бедняцких и середняцких масс, вскрыть, почему кулак стреляет, прячет хлеб и прячется,—этого обычно в учебниках нет.

Литературно-критический и историко-литературный материал, который преподносится учащимся, не менее «удачен».

Перед нами книга П. Дуделя «Русский язык», предназначенная для комвузов и совпартшкол (Госучпедиздат, 1931 г.). В этой книге есть отдел «Элементы художественного творчества». В «Элементах» автор отдела трактует вопросы методологии литературы, проблему классиков и современности, вопросы современной литературы. Автор «распределяет» романы по жанрам: «Если писатель интересуется прежде всего переживаниями своих героев, то мы имеем роман психологический («Преступление и наказание» — Достоевского, «Анна Каренина» — Толстого, «Братья» — Федина, «Женщина» — Никифорова); если он прежде всего рассматривает все происходящие события в плане социальном, то мы имеем роман социальный или социально-бытовой» (романы «Бли», «Цемент» — Гладкова, «У фонаря» — Никифорова, стр. 98).

Как все это просто, бездумно и... безграмотно.

Вопрос о показе психологии человека есть вопрос не жанра, а метода,— это, к сожалению, неизвестно автору отдела. Рассмотрение событий «в плане социальном» — также вопрос метода, а не жанра. Весьма интересно, что сходные романы Никифорова попали в «разные» жанры. Не думает ли составитель, что только в одном в «социальном» жанре события будут рассматриваться в общественном плане?!

Сообщая о художественных достоинствах классиков, составитель не обмолвился о критической переработке культурного наследства. Любопытно, что к современной литературе составитель подходит с точки зрения классической:

«Наша современная литература наравне с литературой классической, должна привлекать внимание рабочего класса» (стр. 106).

Особенно интересна характеристика литературного фронта в книге Дуделя. Сказано о пролетарских писателях, о попутчиках, о крестьянской литературе. Но нет ни слова о буржуазной и кулацкой литературах! Отмечать все рассуждения, все нелепости составителя, значит писать не статью, а книгу. Отметим лишь целиком заимствованное у В. Полонского определение крестьянской литературы. Оказывается «крестьянская литература отличается от пролетарской своими поэтическими образами, иными художественными приемами, обусловленными особыми формами деревенской жизни» (стр. 108).

В свое время эта оппортунистическая теория В. Полонского, протаскивавшая кулацких писателей в крестьянскую литературу, была неоднократно разоблачена. Нечего сказать, хорошие «сведения» по современной литературе получает партийный актив, обучающийся в комвузах и совпартшколах!

Здесь же надо отметить вопиющую неграмотность, если не сознательное вредительство, в книге «Готовься в вуз» (рабочая книга для подготовки в вуз). Составители этой книги «открыли», что «Перевал» — группа со строго выдержанной классовой пролетарской идеологией»(?!!).

Очень странно составлены и программы рабфаков на 1931 г., принятые Учебно-методическим сектором Наркомпроса. (Программы рабфака. Русский язык и литература. НКП РСФСР, 1931 г.).

Все сведения о современной литературе, о положении на литературном фронте, о классовой борьбе в литературе отодвинуты на 7, 8, 9 триместры, хотя 1, 2, 3 триместры также содержат материал современной литературы. В чем дело? Может быть составители предполагают, что такие сведения сообщать рабфаковцам рано, — не подготовлены, мол? Нет!. В об'яснительной записке составители пишут, что «рабфаковцы сами многое знают в этой области... и преподавателю придется лишь дополнить, обобщить и систематизировать эти знания». Но тогда, почему же не начать «дополнять» и «обобщать» с первых же триместров? Вопрос имеет принципиальное значение. Рабфаковцы на протяжении шести триместров выключены из литературной современности.

В программах нет ни слова о буржуазной литературе. В программах 7, 8, 9 триместров говорится о попутчиках, о крестьянских писателях, вскользь употреблен термин «кулацкие писатели», но ведь понятие буржуазной литературы гораздо шире понятия кулацкой.

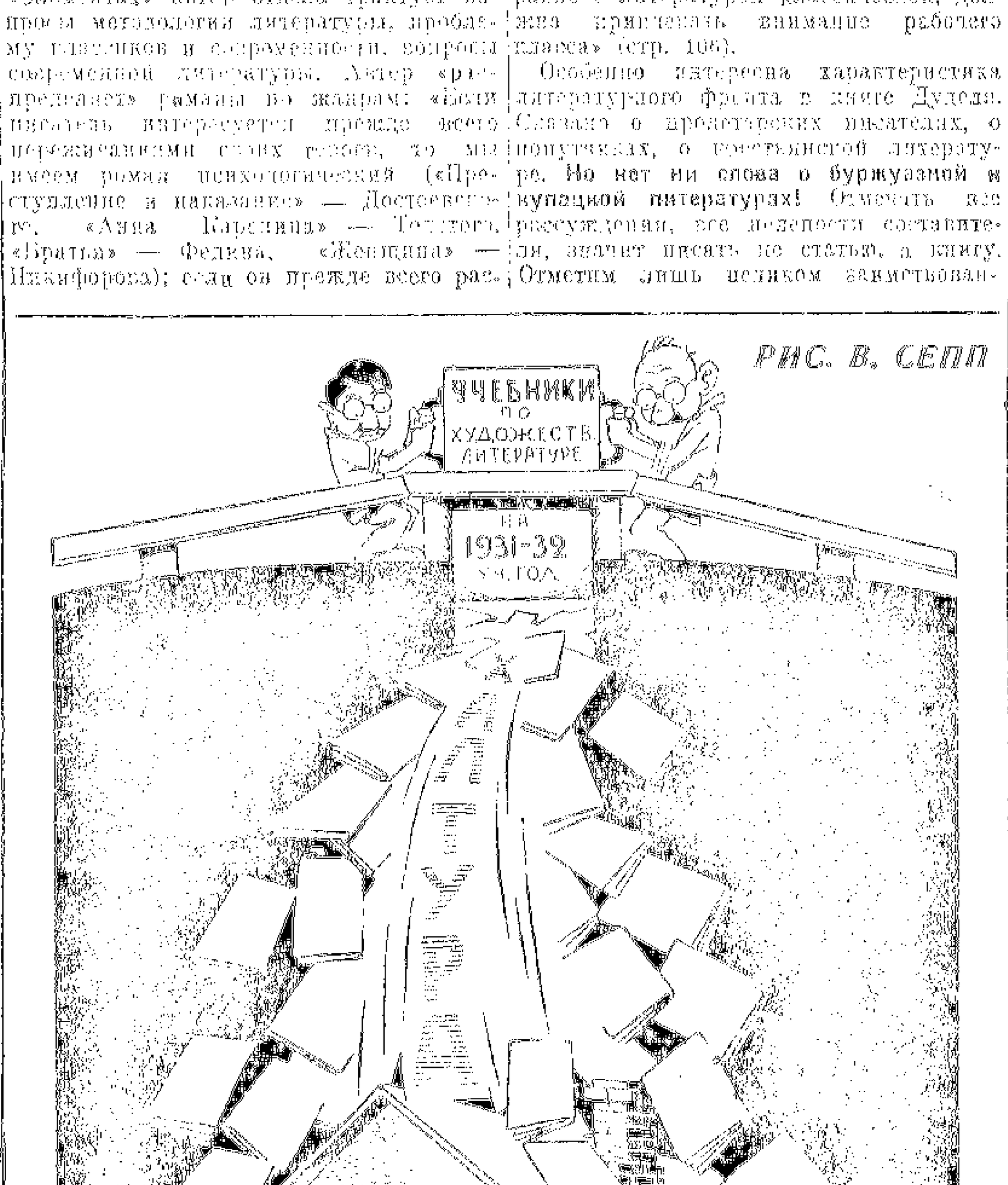
Горький и Маяковский представлены некоторыми произведениями в первых шести триместрах, но в специальном курсе современной литературы Маяковский представлен одним «Левым маршем», а Горький дан «по выбору». Зато в обязательном порядке рекомендуется «Новая земля» — Ф. Гладкова.

Таковы в общих чертах программы рабфаков. Из сказанного достаточно, чтобы резко поставить вопрос о том, что литература в школе, один из важнейших участков литературного фронта, наименее защищен. За все эти нелепости, за всю эту халтуру, за весь этот буржуазный, либеральный хлам, имеющий хождение в школе, за все это — отвечает и наша организация — РАПП, которая почти не обращала никакого внимания на вопросы литературы в школе.

Производственное совещание рапповских критиков также должно поставить и обсудить вопрос о неверном и часто вредном использовании художественной литературы во всех звеньях народного образования.

Б. МИХАЙЛОВ

* Не следует думать, что Северный Кавказ занимает здесь особое положение.



ШЛЮЗ ПОДНЯТ—ПОТОК ПОШЕЛ...

КНИГУ НОВОСТРОЙКАМ

Книгоцентр не выполняет директивы ЦК ВКП(б) о снабжении новостроек необходимым ассортиментом литературы. План строительства книготорговой сети на новостройках срывается.

Президиум правления Огиз предложил Книгоцентру обеспечить широкое снабжение новостроек необходимой литературой в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б). Предложено также усилить кадры книготорговых работников на новостройках путем переброски квалифицированных книготорговых работников из других пунктов.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДПАСОК ГОРБАЧЕВА*

Девять изданий, 150 тысяч экземпляров — такого распространение книги Назаренко «История русской литературы XIX века». Сотни тысяч учащихся пользуются этим «пособием», принимая его за марксистский учебник. Между тем, ни грамма марксизма в этом учебнике нет.

«Труд» Назаренко — это пестрый монтаж высказываний различных буржуазных и меньшевистских ученых. Переписывая эти высказывания, Назаренко всячески пытается замести следы. Он поясняет: «Дабы не загружать учащихся многочисленными именами и избежать некоторой пестроты, я не всегда пользуюсь кавычками и сносками».

В свое время Кубиков изобличал Назаренко в литературном хищничестве. Отвечая ему, Назаренко писал: «Художник-писатель или критик, а также ученый или педагог находятся среди огромнейшей массы разнообразных материалов, однако «заимствуют» они только то, что совпадает с их воззрениями» **. Замечательное признание. Переписывая высказывания Кубикова, Когана, Сакулина, Аксельрод, Соловьева, Амфитеатрова, Горбачева, Переверзева, Горбова, Л. Гроссмана, член партии Назаренко заявляет, что его воззрения совпадают с воззрениями этих буржуазных ученых, меньшевиков и троцкистов.

К девятому изданию Назаренко заново написал предисловие. Здесь развивается переверзевское понимание системы образов, стиля и т. д. Здесь ставится знак равенства между художниками всех классов в смысле их возможностей познавать об'ективную действительность. Считая, что литература должна изучаться лишь «в связи» с классовой борьбой, Назаренко договаривается до того, что «необходимо изучать творчество класса, а не класс по творчеству».

Далее намечается схема истории литературы XIX века. Эта схема извращает историю классовой борьбы в России, дает антимарксистское, антиленинское построение истории литературы. По этой схеме дворянские писатели берутся совершенно изолированно от буржуазных. Если Карамзин, Жуковский, Гоголь отнесены к писателям реакционно-крепостнического дворянства, то Пушкин, Лермонтов отнесены к либерально-буржуазным писателям. Булгарин, Загоскин — к буржуазным. Писемский — к мелкобуржуазным. Толстой оказывается на одной доске с Фетом и Тютчевым. Гумилев рассматривается исключительно как буржуазный писатель. Андреев, Сологуб, Арцыбашев, Клюев, Есенин, Короленко, Горький, Вересаев, Серафимович, Ляшко и Демьян Бедный об'единяются в одну группу мелкобуржуазных писателей. Ва «схема»!

Разумеется в схеме ни слова нет о борьбе двух путей развития капитализма в России. Это учение Ленина о двух путях, на основе которого только и можно понять марксистско-ленинскую историю русской литературы, совершенно игнорируется Назаренко на протяжении всей книги.

К творчеству отдельных писателей Назаренко подходит не с марксистско-ленинских позиций, а с позиций различных буржуазных ученых, труды которых он рабски переписывает.

Особенности творчества Баратынского Назаренко рассматривает, как результат исключения поэта из пажеского корпуса за кражу. Воздействие Байрона на Пушкина оказывается «несомненно зародилось под влиянием тропической природы юга». По признаку «реалистического направления» Назаренко об'единяет в одну группу и реакционных дворянско-буржуазных писателей (Бунин, Сергеев-Ценский, Куприн) и пролетарских писателей (Горький, Серафимович, Ляшко), которые, видите ли, «неровными, неуверенными шагами шли к... пролетариату и крестьянству». По существу здесь Назаренко отрицает пролетарскую литературу и в полном согласии с троцкистом Горбачевым рассматривает пролетарских писателей как буржуазно-демократических.

Бунин у Назаренко оказывается одиночкой, не связанным ни с каким классом: «Прежде чем стать эмигрантом, Бунин давно уже был изгнанником на родине. Он жил особняком от людей, холодный, равнодушный, и его слова никого не увлекали и никому не были нужны».

Показательна для антимарксистских, антиленинских позиций Назаренко глава о Толстом. Старательно переписывая высказывания Аксельрод, Когана, Сакулина, Апросевича и др. «классиков марксизма», Назаренко столь же старательно обходит Ленина. Правда, в конце главы он приводит две цитаты из Ленина, но вся глава резко противоречит ленинской оценке Толстого. Назаренко ни слова не говорит о «кричащих противоречиях» (Ленин) Толстого, о выражении им «тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России» (Ленин). Назаренко старательно повторяет высказывания буржуазных ученых о том, что общебиологические проблемы физиологии являются основной сущностью творчества Толстого.

Нередко наш «марксист» откровенно становится на «общечеловеческую» точку зрения. Так он видит ценность Пушкина в том, что писатель «создает крупнейшие общечеловеческие образцы страстей». (Не потому ли Назаренко дает лозунг «назад к Пушкину»?)

Наконец следует отметить, что в параграфах о «художественном значении» творчества того или иного писателя самый неприкрытый формализм тесно переплетается с самым откровенным [illegible].

Назаренко постоянно подменяет классовую борьбу в обществе борьбой «общества» с царской властью, которая таким образом ставится над классами. «Постепенное крушение веры русского общества в реформы свыше, обусловившее этим постепенный переход с либерального пути на революционную дорогу борьбы с самодержавным правительством — особенность шестидесятых годов».

Назаренко чужды указания Ленина, что «борьба крестьян и помещиков проходит красной нитью через всю пореформенную историю России». У Назаренко дело решается иначе и просто: «Крепостное право пало, началось переустройство жизни».

Антиленинскую оценку дает Назаренко народничеству, становясь на эсеровскую точку зрения. Он рассматривает народников как разночинную интеллигенцию, являющуюся самостоятельной «3-й силой», у которой «ссора с капитализмом и увлечение социально-реформистскими учениями».

Если по Ленину «народнические теории и программы являются действительно идейным облачением крестьянской борьбы за землю», то по Назаренко «интеллигентские попутчики [illegible] и народничества частично отвечают либеральному барству, частично буржуазии».

Характеризуя Плеханова, Луначарского, Фриче как выдающихся критиков-марксистов, Назаренко ни слова не говорит об их ошибках, молчит о меньшевизме Плеханова, о богоискательстве и других извращениях марксизма у Луначарского, о механистических ошибках Фриче и т. д.

Протаскивает Назаренко и меньшевистскую, реформистскую контрабанду. Так он утверждает, что рабочему классу «необходимо захватить производство, а через него и власть». А в другом месте заявляет о «стремлении революционного пролетариата к материальному экономическому равенству». Октябрьская революция без всяких пояснений определяется как «созданная рабочими массами революция». Так же без всякой характеристики, без указания на роль пролетариата основным двигателем революции об'является «рабоче-крестьянская масса». Назаренко целиком присоединяется к буржуазной теории, подменяющей классовую борьбу борьбой за существование, за приспособление к среде. Он пишет: «Человек вынужден путем необходимости именно потому, что он хочет жить, боится смерти, а жить значит приспособляться к среде и ее законам, — Карамзин хочет освободить человека из рабства всех лишений и [illegible]».

«Учебник» Назаренко — враждебная марксизму-ленинизму, вредоносная книга. (Непонятно, как ГИХЛ допустил ее переиздание в 1931 г. Нет ли тут [illegible] либерализма?) Тем более что Назаренко всячески пытается обмануть бдительность читателя. Он не ставит кавычек, не указывает имен обворованных им буржуазных ученых, скрывает [illegible] под марксизмом. Литературная деятельность Назаренко должна получить резкую политическую оценку. Тем более резкую, что Назаренко до сих пор не хочет признать вредность и антиленинскую сущность своих позиций. Выступая в ЛИЯЛОНА он заявил, что учебник его является марксистской книгой(?!), страдающей лишь отдельными недостатками.

Необходимо положить конец распространению этой антимарксистской, вредной и лживой книги.

Пора от всей этой стряпни перейти к созданию марксистско-ленинского учебника по литературе.

Необходимо мобилизовать марксистские литературные силы, необходимо немедленно создать свои [illegible] бригады для составления учебников по литературе.

Н. ЛЕСЮЧЕВСКИЙ

* О книге Назаренко «История русской литературы XIX века».

** Подчеркнуто везде мной. Н. Л.

СМОТР МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«КРУТАЯ СТУПЕНЬ»—В АКТИВ ЛИТЕРАТУРЫ О КОМСОМОЛЕ*

«Крутая ступень» — А. Караваевой принадлежит к числу немногих ценных художественных произведений о фабричном комсомоле, о его перестройке соответственно новым требованиям на этапе реконструкции народного хозяйства СССР.

Повесть рисует соцсоревнование двух фабрик—текстильной Лебедевской слободы и Балабаевской. На Лебедевке, хотя сдвиг наметился, во многом работа идет по-старинке — с большой долей брака, с ленцой и прохладцем у части рабочих и даже комсомольцев (Павлик Чарутин, Туркин и др.), а некоторые соревнуются чисто формально — «за компанию» со всеми (Паня Козицких). Под руководством партячейки лебедевцы мобилизуются на ликвидацию отставания фабрики, на борьбу с браком и прогулами — за новое отношение к труду.

В борьбе с чарутинщиной (рвачеством), ленью Туркиных, формальным ударничеством и формальным комсомольством Козицких воспитываются действительные ударники-комсомольцы, рождается отношение к труду, как к делу доблести и чести.

Караваева не обезличила комсомольскую массу, она показала практику Лебедевской ячейки как коллектива живых людей со всеми их индивидуальными особенностями.

Образ Андрея Панова — центральный в повести. Активно участвуя в комсомольской работе (членом КК), борясь с трудностями и рвачеством, соревнованием, Андрей освобождается от делячества, мальчишеского подхода к действительности, осознает смысл борьбы за социалистическую страну и необходимость личное подчинить общественному.

Еще совсем недавно Андрей, в компании с Чарутиным и Туркиным, «ходили в город» в «киношку». Но в своем отношении к соцсоревнованию, а не к «киношке», эта компания [illegible] (стр. 115).

Павлик «сорвался» — гонит темп работы и гонит без конца брак, чтобы больше заработать. Туркин потихоньку, ленцой срывает соцсоревнование. И Андрей осознает, что интересы производства, соцсоревнования выше личной дружбы. Он порывает с Павлом и Туркиным, разоблачает брак Павлика в клубе с Мазановой и Хаимом, под руководством партийного [illegible] с комсомольцем Павлом Незнамовым, развертывает борьбу с браком на фабрике.

Караваева не упрощает, а показывает, как ступенью за ступенью Андрей сознает, что у комсомольца личное должно быть подчинено общественному.

Чтобы общее дело (соцсоревнование, промфинплан) было выполнено, необходимо действовать вместе со всем комсомолом, чтобы не только у Андрея, но и у остальных комсомольцев [illegible] стали соревнованием личным.

В. Любович («Комсомольская правда» № 253) пытается приписать Караваевой недооценку роли массовости, утверждая, будто автор вывел Андрея враждебно относящимся к комсомольцам. В действительности же Караваева так развивает образ Андрея, что он осознает необходимость двигаться вместе с комсомольской массой (блестяще это доказывает перевыборное комсомольское собрание и избрание Андрея в бюро) а на осмысливании этого Панов совершает наиболее крутой скачок в своем мировоззрении. «Я почувствовал, — заявляет Андрей на комсомольском собрании, — что без всех этих ребят не смогу ни жить, ни дышать на белом свете» (стр. 122).

Андрей осознает, что необходимо все звенья комсомольской организации подчинить [illegible] хозяйственным задачам, — только тогда возможны подлинные успехи соцсоревнования на фабрике. [illegible] (стр. 123).

Однако образ Андрея не лишен недостатков, которые свидетельствуют об ошибках в творческом методе автора. [illegible] отношение Чарутина.

Показывая развернутый образ Андрея, Караваева обходит проблему перевоспитания такого Чарутина. [illegible]

Соцсоревнование и совместная борьба с рвачеством [illegible] сдружила Андрея с Еленой Мызиковой и Хаимом Цинбергом. Елена, дочь инженера, пришла на завод не для «рабочего стажа», и Караваева ярко демонстрирует, как именно рабочая комсомольская среда, ударничество перевоспитывают Елену, освобождает ее от интеллигентской замкнутости, отнимает ее мировоззрение от подхода к действительности под углом толстовского самосовершенствования и жертвенности и делают ее сознательным участником борьбы рабочего класса.

Однако та же т. Любович (в «К. П.») утверждает, будто у Караваевой «двойная бухгалтерия» в методах художественной «отделки» образов рабочих и интеллигентов, — будто показ героев рабочих в повести поверхностен, а герои интеллигентов «тщательно» отделаны. Но ведь именно первым автор отдает основное внимание.

Старшим «братом» Андрея изображен Хаим, играющий большую роль в идейном росте Андрея. Но художественно образ Хаима в повести менее всего удавшийся. [illegible] рабочий.

Несомненной заслугой А. Караваевой является то, что она в повести правильно показала тенденции развития комсомольской жизни. Образом Вани Чапракова Караваева сигнализировала об опасности увлечения массовостью — цифрой и забвения работы с отдельными комсомольцами. «Нам не то важно, чтобы что-либо одно нам кричало с черной доски», излагает свою методику идейного воспитания в «массовом порядке» Ваня Чапраков. И неудивительно, что этакий принципиальный сторонник компанейщины, рисующий себя с виду крайне «левым», творит на практике правооппортунистические дела. «У него (Павлика Чарутина, — рассказывает он же позднее комсомольскому собранию. И. К.) была «договоренность» с Иваном Чапраковым: Чапраков его, Павла, «дело» не будет «пускать индивидуальным порядком» (словечко Чапракова.—И. К.), за то он, Павел Чарутин, «собирал» для него сведения обо всех неполадках на фабрике. Лично Чапраков многих «вскомедывал», дела «изучал», но на свет не выносил, а берег «для компании» (стр. 125, подчерк. мною И. К.).

«Комплекты». Ваня Чапраковы желают иметь дело только с «массовыми компаниями» — цифра, количество в их представлении — самоцель, для них не существуют отдельные члены комсомола. Именно «в том, что некоторые [illegible] руководители почуяли цифру как самоцель» (Косарев), кроются причины тех извращений, которые недавно имели место в практике роста комсомола.

В большевистском воспитании комсомольцев первостепенное значение имеет усвоение опыта партии, партруководства.

Партийное руководство автор показывает как чуткое, вдумчивое и терпеливое воспитание лебедевцев, враждебное либеральному смазыванию ошибок комсомольцев. Вместе с тем автор показывает, как иногда на предприятиях ограничиваются в партруководстве комсомолом только одним партприкреплением.

Партийность творческого метода автора видна и в том, что он не лакировал, не смазал трудностей социалистического соревнования лебедевской фабрики. На преодолении трудностей, на борьбе с вражьими вылазками (Кормышкины) автор учит комсомольцев партийной непримиримости.

«Крутая ступень» создавалась в пору, когда комсомол уже развертывал большую работу по вовлечению 100 процентов рабочей молодежи в союз. Однако в повести обойдена проблема роста комсомола, работа с беспартийной рабочей молодежью. Это один из существенных недостатков повести, промах автора.

С другой стороны, «Крутая ступень» несколько отягчена излишними деталями. Так, например, органически не связана с событиями в повести любовная история Андрея, [illegible] находится в стороне от всей перестройки союза, от идеи «Крутой ступени».

И. КУБЛАНОВ

* А. КАРАВАЕВА — «Крутая ступень». «Новинки пролетарской литературы», ГИХЛ, 1931. Ц. 1 р. 98 к.

ПИСЬМО ЯРОСЛАВЦЕВ

Работа по языку и литературе в политехнической школе на данном этапе социалистического строительства приобретает исключительное значение.

Однако можно смело констатировать, что работа по языку и литературе, роль языка и литературы в школе (особенно в ФЗУ и индустриальных техникумах) явно недооценивается как со стороны отдельных кадров предприятий, методических органов ВСНХ и ОСНХ, администрации школ и учебных комбинатов, так и со стороны отдельных педагогических коллективов. Эту недооценку можно квалифицировать как смазывание роли художественной литературы и языка в классовой борьбе в условиях реконструктивного периода.

Проявляется эта недооценка в следующих явлениях:

1) В чрезмерном сокращении сетки учебных часов на литературу и язык.

2) В отсутствии удовлетворительных методических разработок и указаний как из центра, так и из местных методических органов.

3) В скверном материальном обслуживании кабинетов языка и литературы.

4) В полном разрыве, существующем между составителями всяких программ по литературе и языку и органами Огиза и других издательств.

5) В невозможности создания одной из основных предпосылок более или менее нормальной работы по литературе, а именно — в отсутствии времени у учащихся (нет никакой регламентации бюджета времени учащихся) на домашнее чтение художественной литературы.

6) В недостаточно развернувшейся на местах работе по повышению квалификации преподавателей языка и литературы. Отсутствуют также реальные условия для методической работы, для работы по заочному и очному повышению квалификации (дни для работы, пособия, руководство).

Ярославское методическое об'единение преподавателей языка и литературы полагает, что надо установить общность взглядов методических органов центра (ВСНХ, Наркомпрос, Цекпрос, Огиз) по вопросам сетки, методики работы. Учебные пособия, программы по русскому языку и литературе должны быть немедленно переработаны. Пора практически проводить в школе ленинское положение о том, что литературное дело должно быть частью общепролетарского дела.

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ЯРОСЛАВЛЕ

ХРОНИКА СМОТРА

29 ЛИТВЕЧЕРОВ МАПП

МАПП развертывает работу по творческому смотру комсомольской литературы. Во всех районах Москвы выделены предприятия, где будет разбираться творчество молодых писателей. В частности по Дзержинскому району намечены к разбору «УДАРНЫЙ КВАРТАЛ» КИРСАНОВА — в типографии «Красный пролетарий», произведения СВЕТЛОВА, ЯНОВОГО и ГОЛОДНОГО — на заводе Борец, КУЗНЕЦОВА — на Мосполиграф № 5, СОБОЛЕВСКОГО — на заводе «Каучук», БОРОВСКОГО, ФРИД[illegible] МАПП и ГРИНА — на Виндавской железной дороге.

МАПП уже выделила докладчиков. Через районы и ГИХЛ она снабжает кружки литературой для предварительной проработки произведений.

По Замоскворецкому району будут разбираться произведения: ГЕРАСИМОВОЙ на «Парижской коммуне», СУРКОВА — на Москвошвее, ВИНОГРАДОВА и МАКОВСКОГО — на 1-ой ситценабивной. По Ленинскому району намечено обсудить произведения [illegible] — на заводе им. Ильича, БАТУРИНА — на МОГЭС, АЛТАУЗЕНА — на «Красном пролетарии» и [illegible] ТРОФИМОВА — в Первой образцовой типографии. В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ НАМЕЧЕНО ПРОВЕСТИ ПО ВСЕМ РАЙОНАМ 29 ЛИТВЕЧЕРОВ. Кроме того, в кабинете ударника МАПП обсуждаются произведения писателей с ударниками.

Надо отметить, что не все райбюро МАПП по-настоящему взялись за проведение смотра. Краснопресненское, Октябрьское, Сокольническое и Пролетарское райбюро [illegible]. Если Дзержинский и Замоскворецкий РК ВЛКСМ и завкомы [illegible] смотру и руководству им, то в других районах [illegible] до сих пор остаются «узким» местом.

* Творческий смотр молодежной литературы используется [illegible] «Молодой гвардией» [illegible] на московских предприятиях и новостройках.

На Сталинградский тракторный завод выехала специальная бригада «Молодой гвардии» для проведения смотра молодежной литературы. [illegible] Мариана Андерсен Нексе — «Ислие завоеватель», Эрнста Глезера — «Рожденные в 1902 году», Гинка — «Пролетарий в иностранном легионе», Гайнбургера—«Незнакомый фронт». [illegible] МОГЭС [illegible]

* Литературный кружок пролетарско-колхозных писателей [illegible] ВЛКСМ ЦИО [illegible]

[illegible]

[illegible] Мосгубсоюзного комбината. [illegible]

* Сокольническое райбюро МАПП совместно с райкомом ВЛКСМ [illegible] Сокольнического района.

* На заседании бюро Ленинского райкома ВЛКСМ совместно с райбюро МАПП [illegible] МАПП т. И. Кубланова о ходе работы районной организации.

Т. Кубланов отметил [illegible] районного актива (Батурин, Бессонов, Марголис и др.). [illegible] т. Калитов [illegible] райкома ВЛКСМ и т. Шапиро [illegible] большего участия заводских комсомольских ячеек в работе литкружков. [illegible]

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ
НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
12 №№ в год
На 12 мес.—8 р. 64 к., 6 мес.—4 р. 80 к., 3 мес.—2 р. 40 к.

«ДЕЛО ЧЕСТИ» Н. МИКИТЕНКО В МХТ 2

Борьба за уголь — одна из важнейших проблем социалистического строительства. Нет угля — нет энергии. Без энергии наши заводы, фабрики, мастерские не «боеспособны». Поэтому такое внимание партия и правительство оказывают угольной проблеме, поэтому в контрольных цифрах 1932 г. почетное место занимает уголь.

Угольной проблеме и посвящена пьеса украинского пролетарского драматурга И. Микитенко — «Дело чести». Перед автором стояла задача — показать, как в борьбе за уголь труд шахтера превращается в «дело чести, дело славы, дело доблести и геройства», как по-новому начинают относиться к труду и вчерашний «идейный» летун Филимон Запуда и старый кадровый шахтер Гнат Орда. Таково было основное задание автора. Справился ли автор с этой задачей? В основном да,—пьеса показывает, как Гнат Орда снова пошел в забой, чтобы под руководством партии, во главе со своим сыном-инженером по-новому драться за уголь, чтобы работать так, как этого требует социалистическая техника.

Линия Гната Орды в пьесе — основная, наиболее удавшаяся автору, хотя в разработке ее видны некоторые шероховатости.

Кто такой Гнат Орда? Шахтер-кадровик, старый красногвардеец. Он дрался с оружием в руках за советский Донбасс, он «Махна бил, белого генерала рубал», он плечом к плечу со своим сыном Иваном, вместе со старым другом Головатым, таким же шахтером, как и он сам, кайлом и обушком многие годы добывал уголь.

Но старые методы работы устарели. Социалистическая реконструкция потребовала новой техники. И по Донбассу раздается клич партии: механизировать добычу угля! Тут-то Гнат Орда «забастовал», не захотел принять систему механизации. Старые навыки прочно засели в сознании Гната.

Автор совершенно правильно поступает, когда, вскрывая «противоречия» в сознании старого шахтера, поворачивает его в сторону тех, кто не дорожит шахтерской честью, кто остается безучастным в ожесточенной борьбе за уголь. Когда Гнат Орда «гуляет», саботирует штурм угля, он сближается с «стачками», летунами, черными ... Старые навыки, за которые упорно держится Орда, упорство в их отстаивании получают острый конфликт с новыми требованиями к шахтеру. И всякий раз, как ложная «гордость» Орды побеждает сознание классового долга, он неизбежно приближается к тем, кто является врагами социалистического наступления. Тогда его «друзьями» становятся не Головатый, не сын Иван, не комсомолец Петька Сокотовский, — а раскулаченный Скляренко, прогульщик и летун — Выргазуб. Тщетно уговаривает Орду его боевой товарищ Головатый, не помогает и горячая речь Кармануцы об опасном положении участка, покинутого Ордой.

Подчеркнутая случайность повода к возвращению Орды не снижает убедительности психологического перелома Орды. Не этот случай, так другой, вероятнее всего без всякого «случая» Гнат Орда вернулся бы в забой, на фронт. Упрек автору можно бросить не за случайность, а за некоторую поспешность в разрешении «противоречий» Орды. Линия поведения Орды ни на одну минуту не должна вызывать сомнения у зрителя, она должна быть наиболее законченно правдивой, иначе образ Орды теряет свою убедительность. По «старой» Орде, его мучительным колебаниям, его сомнениям ... строится вся пьеса. Гнат Орда — «фокус» спектакля. Чем сложнее, мучительнее конфликт в сознании Гната, тем убедительнее победа классового, организованного начала.

И здесь надо отметить огромную помощь, оказанную автору исполнителем роли Орды — А. И. Чебан, сумевшим раскрыть в образе старого шахтера основное — неразрывность с своим классом, подчинение в конечном счете стихийных элементов сознательному, организованному началу. Правда, местами слишком заметно подчеркивание этнографического момента, слишком явственно дается намек на то, что в Орде бунтует запорожская кровь, но и в самом материале пьесы эти элементы подчеркиваются.

Усложнение конфликта происходит еще и по другой линии—по линии сталкивания национальных элементов. Орда работает с молдаванкой Кармануцей и встречается с прибывшими на строительство немецкими шахтерами. «Гордость» Орды ущемляется еще тем, что Головатый отдает предпочтение работающему Штраусу перед неработающим, «бунтующим» Ордой.

Однако эта линия и у автора, и на сцене мало удалась. Слишком схематично, упрощенно показаны как фигуры самих немцев, особенно немецкой комсомольской бригады, так и отношение к ним советских горняков. Театр здесь не только не дополнил автора, но еще больше схематизировал (сцена прихода немцев, «механизированные» движения бригады Гарри и т. д.).

Менее удался образ «идейного» летуна Запуды, — несколько непонятна «идейность» его летунства, хотя в сценической интерпретации арт. В. Готовцева образ Запуды приобретает известную убедительность.

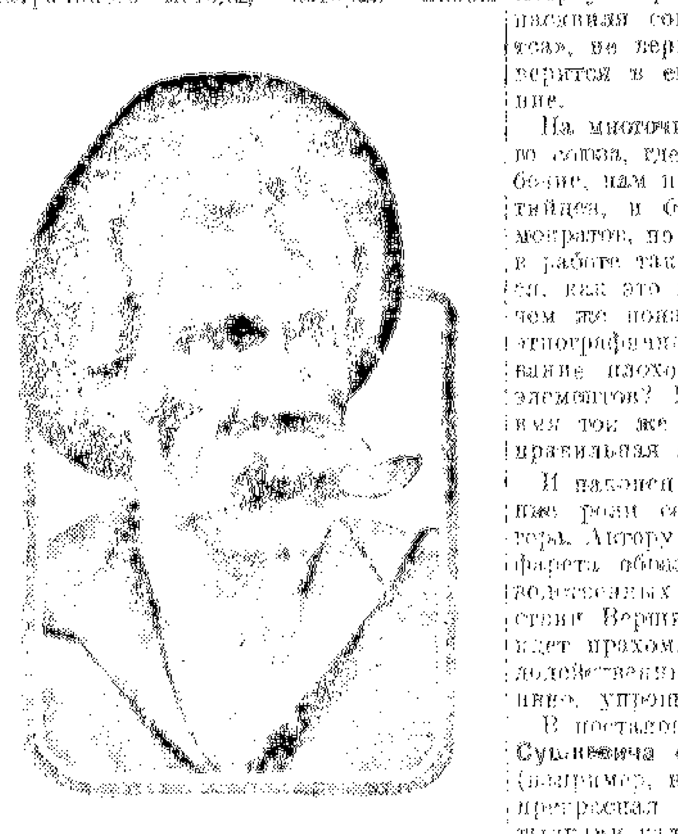
И все-таки, несмотря на убедительность развития линии Гната Орды — центрального образа пьесы, глубокая идея пьесы (труд — «дело чести, дело славы, дело доблести и геройства») находит чрезвычайно поверхностное, схематичное выражение. Автор не сумел поднять драматическое, образное выражение идеи пьесы на большую художественную высоту. Схематизм, упрощенчество вредит пьесе, обесцвечивает живые образы, оставляет пустые места.

Глубокий смысл слов вождя о труде как деле чести в устах Кармануцы (Е. Кузнецовой) не раскрывается. Слова вождя произносятся, как обычная концертная реплика.

Театр сделал попытку «доработать» автора средствами сценического выражения, средствами театральных эффектов. Но попытка не удалась. В сцене штурма, очень примитивно разработанной у автора (возможно благодаря трудности сценического выражения), театр встал на путь напыщенной театральности, оперной красочности, внешней эффектности. В результате вместо драматизма, идейной насыщенности большевистского штурма — тонет в бравурной музыке опереточного происхождения, заслоняется бесконечно мигающими телефонными лампочками и невольно вспоминается «Мартын рудокоп».

Линия наименьшего сопротивления (автора и театра) обесцвечивает идейный замысел пьесы, лишая ее художественной убедительности. Совершенно ошибочно мнение, что эта «театральная эффективность», как-то поднимает спектакль, делает его выразительным. Нет, эта эффективность является чужеродным элементом в пьесе, снижающим ее идейную ценность.

МХТ II правильно сделал, когда остановился на теме пьесы Микитенко, но он пошел по линии наименьшего сопротивления в художественном разрешении этой темы. Глубоко реакционно представление, что пьесы с актуальнейшим, злободневным содержанием должны разрешаться одними и теми же средствами театрального выражения. Нивеллировка театрального метода, которая якобы



ГНАТ ОРДА — А. И. ЧЕБАН

«диктуется» стилем многих современных пьес, это отказ от мастерства, от борьбы за художественность, за собственное художественное лицо каждого театра. Тем более странно, что такой театр, как МХТ II, пошел по этому пути.

Есть в спектакле (как и в пьесе) и другие существенные недостатки. Абсолютно неверен образ вредящего шахтера Мохова (А. В. Ратко). Кто это? Прямо саботирующий, открыто фыркающий перед трудящимися, ставший на пути ... партии, или добродушный старичок, вредящий ... До того момента, как Вернигора, секретарь общешахтного парткомитета, отбирает у него партбилет, мы и не подозреваем о его принадлежности к партии. И приходится удивляться, как тут же Вернигора терпел до своей поездки на партконференцию этого чеховского комического персонажа. Акцентировка смешных комических сторон в фигуре Мохова отвлекает внимание от внутреннего выражения сущности проявления правого оппортунизма на практике.

Нельзя согласиться и с трактовкой образа немецкого штейгера Штрауса. Скорее уж он похож на социал-фашистского функционера. Поэтому, когда Штраус протестует против «передового» насилия социал-фашистского «Форвертса», не верится в его искренность, не верится в его идейное перевоплощение.

На многочисленных заводах Советского союза, где работают иностранные рабочие, нам приходилось встречать и партийцев, и беспартийных, и социал-демократов, но при внешнем отличии, они в работе так подчеркнуто не выделяются, как это мы видим в спектакле. Зачем же понадобилось театру нажим на этнографичность, излишнее подчеркивание плохо понятых национальных элементов? Может быть опять-таки во имя той же театральности? Но это неправильная акцентировка.

И наконец протест вызывает толкование роли секретаря партячейки Вернигоры. Автору не удалось преодолеть трафарета образа парторга многих прозаических пьес. А пора бы! В отсутствие Вернигоры все дело на шахте идет прахом, а с его приездом все чудодейственным образом изменяется. Наивно, упрощенно!

В постановке заслуженного арт. Б. М. Сушкевича есть ряд не плохих мест (например, в картине «Орда гуляет» — прекрасная сцена с сидящими на бутылках кадровиками-шахтерами, как разговор Головатого с Гнатом), но эти отдельные удачные куски режиссерской работы заслоняются значительным количеством глухих или просто неудачных мест.

На поставленный нами вначале вопрос — справился ли автор с задачей показать, как по-новому начал относиться к труду старый шахтер Гнат, мы ответили: в основном, да. Но это совершенно не означает, что автор этого добился на высоком идейном регистре, что в пьесе нет серьезнейших недостатков. Основная беда автора, а также и театра та, что идея пьесы донесена до зрителя чрезвычайно схематично, упрощенно. В спектакле — обилие внешних эффектов и отсутствует тот глубокий внутренний пафос, который так нужен большевистским пьесам о большевистских делах.

В. ЗАЛЕССКИЙ

НАПИШЕМ «ИСТОРИЮ ЗАВОДОВ»

«СЕРП и МОЛОТ» — В АВАНГАРДЕ МОСКОВСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

ПЕРВОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО СОЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ» СОСТОЯЛОСЬ 4 ЯНВАРЯ В КЛУБЕ ФОСП. БЫЛИ ЗАСЛУШАНЫ ОСНОВНОЙ ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗАВОДА «СЕРП И МОЛОТ» (т.т. НОВИКОВ, МЕЛЛЕР, МАРКОВ) И КРАТКИЕ СОДОКЛАДЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ЗАВОДА, ЛЮБЕРЕЦКОГО ЗАВОДА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ, ЭЛЕКТРОЗАВОДА, ЗАВОДА им. СТАЛИНА (б. АМО) и других ПРЕДПРИЯТИЙ

Опыт «Серпа и молота», приступившего к созданию «Истории» почти за полтора года до постановления ЦК партии, — опыт весьма полезный для других предприятий как в смысле перенятия положительных моментов, так и в смысле профилактического предупреждения ряда ошибок.

Комиссия по созданию «Истории завода» под руководством парторганизации дала решительный отпор отдельным попыткам, главным образом эсеров, смазать соглашательскую роль эсеров в начале 1917 г., их предательскую работу в Октябрьскую революцию и т. д.

Вокруг работы по созданию «Истории» сгруппирован большой полезный актив, основным ядром которого являются старые рабочие-кадровики, в первую очередь партийцы. Работу удалось сделать по-настоящему массовой: задачи создания «Истории» доведены до цехов, где уже проведена широкая разъяснительная кампания, давшая большой материал.

Однако этими материалами, составленными главным образом из личных воспоминаний, приходится оперировать очень осторожно. Первоначальная попытка создания «Истории завода» (1928 г.) послужила в данном случае предостерегающим примером: в изданной тогда по инициативе Истпарта Пролетарского района книге ..., основанной в значительной части на личных воспоминаниях рабочих, были допущены серьезные ошибки. Личные воспоминания должны прорабатываться коллективно на широких собраниях. Необходимо также, чтобы воспоминания проверялись архивными документами.

Чрезвычайно важной работой является проведенная на заводе поголовная перепись рабочих, отражающая лицо всего коллектива и являющаяся основным материалом в изучении нового лица завода.

Скверно обстоит дело на Люберецком заводе сельскохозяйственного машиностроения. До сих пор вся работа сводится к проведению разъяснительной кампании и предварительному собиранию материалов, над которым некому работать. Писатели на завод не приезжают. Существующий при заводе литкружок входит в систему МОПИЛ(?) и на этом «основании» в создании «Истории завода» не участвует. Массового же кружка на заводе нет. Парт- и профорганизации не уделяют должного внимания созданию «Истории». Ничего не делает и заводская газета.

Примерно в таком же духе высказались представители других предприятий (инструментального завода, АМО) и член бригады Академии коммунистического воспитания т. ЗАТАНОВА(?), работающая на Электрозаводе.

Наверстать потерянное — боевая задача московских предприятий.

Е. ПЕЛЬСОН

ВЫЗОВ НА СОРЕВНОВАНИЕ

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ

Редколлегия и рабочий актив по «Истории завода «Серп и молот», приступая к созданию «Истории нашего завода», объявляют себя ударниками и вызывают на социалистическое соревнование редколлегии других заводов.

«История заводов» есть большевистское дело, в котором требуются социалистические методы работы, ударные темпы.

Конкретные показатели соцсоревнования будут выработаны нами при заключении договора с редколлегиями.

Рабочие «Серпа и молота» под руководством парторганизации примут все меры к тому, чтобы «Поднять вопросы истории большевизма на должную высоту» (Сталин), чтобы написать действительно партийную, марксистско-ленинскую историю нашего завода.

Редколлегия «Истории завода «Серп и молот»:
НОВИКОВ, МАРТОВ, ВЕЛИЧКО

СОЗДАДИМ большевистскую ОБОРОННУЮ ЛИТЕРАТУРУ

НА РАСШИРЕННОМ ПЛЕНУМЕ МОСЛОКАФ

8 января в клубе ФОСП открылся первый расширенный пленум совета МосЛОКАФ.

— Лозунг лицом к творческой работе,—говорит во вступительном слове т. РЕЙЗЕН, — с самого начала являлся и является генеральным лозунгом всего локафовского движения. Но в работе ЛОКАФ были и есть еще элементы администрирования, заседательской суетни, организационной суголоки. ЛОКАФ должен продолжать свою перестройку на основе широкой самокритики, на основе последних резолюций пленума правления РАПП и фракции ПС ЛОКАФ. Главное звено, за которое надо ухватиться всему локафовскому движению, — это развертывание творческой работы, углубленная разработка литературной теории в нашей специфической области, развертывание конкретной критики, борьба с троцкистской контрабандой в литературе о войне и Красной армии, которую (борьбу) до сих пор мы вели явно недостаточно.

— В МосЛОКАФ еще слабо развернута творческая дискуссия, самокритика, — говорит в своем отчетном докладе т. ЛИБЕРМАН. — слабо выявлены творческие группировки. МосЛОКАФ должен быть ведущей нашей организацией, а между тем за истекшее свое существование он не выпустил ни одной книги. Мы имеем немало писателей, которые практически не участвуют в творческой работе МосЛОКАФ.

Касаясь работы с красноармейцами-ударниками, т. Либерман указывает: что МосЛОКАФ призвал в литературу около 140 ударников и организовал в Москве в частях 14 литкружков. Ряд кружков работает и в провинциальных частях. МосЛОКАФ организовал отделения в Нижнем, Туле, Твери, Калуге, Орле, Воронеже и др. городах. Важнейшая задача — улучшение качества и завершение работы литкружков.

После содокладов-рапортов о работе Воронежского отделения ЛОКАФ и литкружка танкового полка, пленум МосЛОКАФ приветствовал А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

Второй день работы пленума был посвящен прениям. Делегаты с мест подвергли широкой самокритике работу МосЛОКАФ. План занятий работы не доведен до низовых кружков (т. РЫБУНОВ), растущие низовые локафовские кадры учатся на литературе, в которой попадаются элементы троцкистской контрабанды, гнилого либерализма. В ряде красноармейских литкружков литература изучается по-ученически по Воронскому, Полянскому (т. КАЗАКЕВИЧ). Литкружком Военно-инженерной школы в прошлом году руководил преподаватель русского языка — эсер-реакционер. Этот кружок не получил никакого идейного руководства от МосЛОКАФ и в результате распался (тов. ОБОВ). Отсутствие руководства в кружках приводит к разброду; литкружковцы ударяются в есенинщину, голую лирику (т. ТИХОНОВ, Орел).

— На Западе,—говорит т. СУББОЦКИЙ,— большое количество военно-художественной литературы, социал-фашистских и фашистских военных романов, пытающихся убедить массы в невозможности новых войн, стремящихся замаскировать пацифистской болтовней подготовку этих новых войн. С другой стороны, фашистский роман героизирует войну, старается привить молодежи шовинистические настроения. Пролетарская литература Запада и наша советская литература еще не дали художественно уничтожающего отпора ремаркизму и фашистскому роману.

На нашем читательском рынке имеют большое хождение явно враждебные нам книги. До сих пор в библиотеках рекомендуется в высшей степени либеральная книжка ВОЙТЛОВСКОГО, распространяется либеральная, агитирующая книга СОФЬИ ФЕДОРЧЕНКО «НАРОД НА ВОЙНЕ». Эти и ряд других книг не встречают должного отпора со стороны нашей критики. Мы имеем случаи проявления гнилого либерализма и в наших издательствах и журналах. В локафовской литературе имел место целый ряд классово-враждебных, троцкистских вылазок («Кратокрочники» — Кулиша; «Военкоры» — Фотиева). ЛОКАФ должен самым решительным образом бороться с протаскиванием троцкистской контрабанды в литературу о войне.

В прениях по докладу т. Либермана выступили тт. БУЛКИН (Ярославский ЛОКАФ), ОБОДОВСКИЙ (Тула), Н. РАКИТИН, КИРИЛЛОВ (Управление военно-воздушных сил РККА), АНДРЮЩЕНКО (Калуга), ЧИЧИСОВ («Красный воин»), БОЧКОВ (Пехшкола РККА), КУЛЕШОВ (Орел), ДЕШЕВЫХ (Артшкола), ЛЮБЧЕНКО (Воронеж), ГФ. 36.33.33(?).

Пленум заслушал также доклады тт. ДАНИЛОВА и ГОЛОВИНА о творчестве ударников и доклады тт. СКУРИХИНА и ГЛАДКОВА «Пока героев боевой пятилетки». Окончание отчета будет дано в следующем номере «ЛГ».

А. КР—ОВ

ПРОЛЕТКОЛХОЗНУЮ ЛИТЕРАТУРУ НА СУД ОБЩЕСТВЕННОСТИ

ВСТРЕЧА ПИСАТЕЛЯ, ИЗДАТЕЛЯ, КРИТИКА И ЧИТАТЕЛЯ

Сектор «Новинок пролетарско-колхозной литературы» ГИХЛ, совместно с массовым сектором созывает 12 января в клубе ФОСП первое производственное совещание пролетарско-колхозных писателей, издателей и литкружковцев. В повестке дня совещания: обсуждение произведений Н. ЧАЙКОГО («Ленинцы»), П. ЛЬВОВА («Заводы»), АКУЛЬШИНА («Повесть об одном колхозе»), ТОФАНА («Дикий колхоз»), М. КАРПОВА («Непокорный»), АМУРСКОГО («Таежная быль»), СУББОТИНА (...), ЗУЕВА (...), РЯХОВСКОГО («Дворики»), Н. ОСТРОГОРСКОГО («Брест»).

Совещание обсудит таким образом качество продукции, выпущенной в 1931 г. по серии «Новинки пролетарско-колхозной литературы». Об этой серии, о ее достоинствах и недостатках скажут свое слово и писатели, и критики, и читательская общественность, и издательство.

Издательство намерено поставить перед писателями целый ряд проблем, которые должны быть освещены в произведениях 1932 года. Поэтому, помимо обсуждения произведений, совещание заслушает доклад об издательском плане на 1932 год.

СОВЕЩАНИЕ ИЗДАТЕЛЬСКИХ РАБОТНИКОВ

15 февраля Огиз созывает совещание работников краевых и областных издательств. В повестке дня совещания — доклады об итогах перестройки работы издательств на основе ... ЦК ВКП(б) и о работе ... издательств в 1932 г., отчеты Уральского и Средне-Волжского издательств, доклады о массовой работе и работе выпускающих издательств на местах.

В совещании примут участие областные и краевые издательства, представители Огиза, Учпедгиза, ГИХЛ, «Молодой гвардии», ГИТИ, Сельхозгиза, Издательства «Коммуна» (ЦЧО), «Северный Кавказ» (Северо-Кавказский край), а также представители ... Огиза и Критико-библиографического института Огиза.

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

✲ Военгиз, Книгоцентр и Москва с 30 января проводят двухдекадник проверки продвижения военной литературы в ... Во время двухдекадника будет проведена работа военно-книжных киосков в частях ... Редакции газет «Красный воин» и редакции нескольких многотиражек организуют в печати смотр продвижения военной литературы в красноармейские части.

✲ Московская ассоциация рабочих авторов технической литературы (МАРАТ) ... по созданию технической книги. ... предполагается выпустить «ежемесячник» по технической и воспитательной работе.

✲ В шахтерскую творческую группу «Уголь» вошли тт. Шахтер, Хмара, Потатуев, Денисов, Чечановский, Радионов, Кадаев, Иванов, Максимов, Алексеенко, Клевакин, Сахонов, Шейкин, Грузкин, Карташова, Бездомный. Группа включилась в смотр молодежной литературы. Обсуждено около 30 творческих произведений Хмары, Сахонова, Шахтера и др.

✲ ЦК союза рабочих каменноугольной промышленности и газета «Ударник угля» взяли шефство над творческой группой «Уголь».

✲ В Москву приехали революционные писатели-антифашисты Фридрих Вольф и Марта Рубен(?) — Вольф, активно боровшийся против реакционных законов германского здравоохранения ... в Германии. Им написано несколько книг о Советском союзе: «Московские очерки двух врачей», «В свободной Азии», «Германские врачи на Кавказе». Немецкие революционные писатели собирают в Москве материал для своих дальнейших работ.

✲ Критический актив МОРП готовится к товарищескому обсуждению критиков РАПП. Комиссии МОРП (германская и др.) прорабатывают имеющиеся критические материалы о зарубежной пролетарской литературе.

✲ Рабочий редсовет журнала «30 дней» взял культшефство над строительством Дворца советов в Москве. С помощью редсовета будет налажен выпуск многотиражки Дворецстроя. На стройке организуется литкружок. В журнале «30 дней» будет показан рост строительства. Решено создать книгу о стройке Дворца советов. В редколлегию «30 дней» будут введены 2 представителя стройки.

✲ Институт ЛИЯ Комакадемии совместно с МОРП готовит к 15-й годовщине Октябрьской революции сборник «Развитие зарубежной пролетарской и революционной литературы в эпоху империализма».

КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ

10 января — 18 ч. — общее собрание Белорусской секции МАПП.

10 января — 19 ч. — кружок переводчиков. Руководитель Ромм.

10 января — 19 ч. 45 м. — 8-й декадник художественного чтения. Антон Шварц. В программе: Пушкин — Медный всадник, Евгений Онегин, Метель, Гавриилиада, Цыганы.

10 января — 17 ч. — мастерская художественного чтения.

12 января — 19 ч. 45 м. — 3-й декадник поэта — вечер Переца Маркиша: Л. Кусимов — О творчестве. Переводы стихов Маркиша читают поэты: И. Алтовольский(?), Э. Багрицкий, Л. Пеньковский, Д. Бродский, О. Колычев, А. Паль, М. Светлов, ... «Земля» — ... арт. ... М. Блюменталь-Тамарина и С. Межинский. ... С. Михоэлс — ... Маркиша в театре. Собрание под председательством т. Сельвинского.

12 января — Марксистско-литературоведческий семинар Гоголь.

12 января — 16 ч. — С. И. Пожаров(?) — Диалектический материализм.

12 января — 20 ч. — Б. В. Алперс — Теория драмы.

12 января — 10 ч. утра — производственное совещание РОПП(?).

13 января — 19 ч. — 8-й творческий вечер секции малых форм СРД.

14 января — 19 ч. — драмсекция ОРД.

14 января — 19 ч. 45 м. — 9-й декадник худ. чтения Е. Каминка. Художественная сатира: А. Чехова — Сирена, Шолом-Алейхем — ..., А. Зощенко — Случай с ..., Судебное дело. Гоголь — Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Рыклин — Роман о колхозе.

14 января — 7 ч. 30 м. — Ораторский кружок. Рук. А. К. Шнейдер.

14 января — 10 ч. — Детская секция МАПП.

15 января — Марксистско-литературоведческий семинар Гоголь.

15 января — 18 ч. — В. Н. Барашков — История классовой борьбы.

15 января — 20 ч. — С. Л. Мстиславский — Театр в ...

15 января — 19 ч. — Кружок переводчиков. Руководитель Габричевский.

16 января — 19 ч. 45 м. — 4-й декадник поэта. Илья Сельвинский. В программе: Из электрозаводской газеты, Портрет ..., Анекдоты о ..., Пушкин — ..., От Палестины до Биробиджана, ..., Интермедия из «Командарма 2». Под председательством А. Безыменского.

16 января — 18 ч. — немецкая секция МАПП.

16 января — 16 ч. — кружок переводчиков. Руководитель Шервинский.

ИЗВЕЩЕНИЯ

17 января —18 ч.—в клубе ФОСП им. Горького (ул. Воровского, 52) — второе общемосковское производственное совещание по истории заводов, организуемое главной редакцией. Участие всех членов литкружков Москвы необходимо. Литкружкам заводов: АМО, «Динамо», Электрозавода, Мясокомбината, Шарикоподшипника (Ленинский район), Трехгорки, завода Ильича, Бабаевки необходимо привлечь на это совещание рабочих заводов, участвующих в создании «Истории».

СЕКРЕТАРИАТ МАПП

✲ 13 января, в 9 ч. в клубе ФОСП состоится литературно-художественный вечер 2-го номера альманаха «Вчера и сегодня».

— 13 января — в 18 ч. — в помещении редакции «Молодой гвардии» (Б. Черкасский, 6) — очередное собрание объединения комсомольских писателей МАПП «Молодая гвардия». Будет проведен разбор пьесы Колосова—Герасимовой «...». Вступительное слово Бронмана.

— 16 января (переносится с 14-го) — 10 ч. в Доме Герцена (Тверской б., 25) — продолжение совещания секции ... Всероскомдрама. Прения по докладу т. Литовского о «документе РАПП».

— 15 января — 18 ч. — в помещении РК ВКП(б) (Петровка, 22, 3-й этаж, комн. 9) — собрание литературных кружков Дзержинского района. Выступают поэты и писатели: Архангельский, Березовский, Вера Инбер, Горбунов, Вл. Луговской, М. Исаковский и ударники, призванные в литературу: Смирнов, Волков, Горлахов, Моисеенко, Славинский.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «ЛИТГАЗЕТЫ» ВЫЙДЕТ 16 ЯНВАРЯ

Ответственный редактор: А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, В. Залесский, О. Колесникова, А. Малышкин, Н. Огнев, М. Россовский, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский, М. Субоцкий, С. Тарасевич, Г. Тарлан(?).
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

КНИГОЦЕНТР
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 ГОД
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ КНИГОЦЕНТРА ОГИЗа
КНИЖНЫЙ ФРОНТ
ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КНИГОТОРГОВОГО ДЕЛА
КНИЖНЫЙ ФРОНТ дает руководящие статьи по вопросам книготорговли; освещает обобщенный опыт работы Отделений Книгоцентра и освещает деятельность всех книготорговых организаций РСФСР.
ПЕЧАТАЕТ материалы по вопросам книжной торговли, изучения потребителей книги, рационализации техники и структуры книготорговых предприятий, подготовки и переподготовки книжных кадров и массовой работы по пропаганде книги.
ПОМЕЩАЕТ обзоры и рецензии о новых книгах по вопросам книжного дела.
КНИЖНЫЙ ФРОНТ широко информирует своих читателей о состоянии книжного и издательского дела в СССР и за границей.
Подписная цена: на год — 8 р., на 6 мес. — 4 р. Отдельный номер — 75 коп.
Подписка принимается во всех магазинах и отделениях Книгоцентра, на почте и письмоносцами

КНИГОЦЕНТР
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 ГОД
НА КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
КНИГА — СТРОИТЕЛЯМ СОЦИАЛИЗМА
Журнал будет помещать критические отзывы на текущую книжную продукцию, тематические обзоры литературы по важнейшим вопросам, рекомендательные списки литературы к политическим кампаниям, статьи по вопросам качества книги. Журнал будет выходить 9-ю ОТДЕЛЬНЫМИ ИЗДАНИЯМИ в целях возможно более полного освещения литературы и дифференцированного обслуживания различных кругов читателей:
1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
36 номеров в год. Подписная цена: на год—9 руб., на 6 мес.—4 руб. 50 коп., на 3 мес.—2 руб. 25 коп. Отд. номер—30 коп.
2. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
36 номеров в год. Подписная цена: на год—9 руб., на 6 мес.—4 руб. 50 коп., на 3 мес.—2 руб. 25 коп. Отд. номер—30 коп.
3. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
36 номеров в год. Подписная цена: на год—7 руб., на 6 мес.—3 руб. 50 коп., на 3 мес.—1 руб. 75 коп. Отд. номер—25 коп.
4. УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
36 номеров в год. Подписная цена: на год—7 руб., на 6 мес.—3 руб. 50 коп., на 3 мес.—1 руб. 75 коп. Отд. номер—25 коп.
5. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
36 номеров в год. Подписная цена: на год—7 руб., на 6 мес.—3 руб. 50 коп., на 3 мес.—1 руб. 75 коп. Отд. номер—25 коп.
6. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
36 номеров в год. Подписная цена: на год—7 руб., на 6 мес.—3 руб. 50 коп., на 3 мес.—1 руб. 75 коп. Отд. номер—25 коп.
7. ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
24 номера в год. Подписная цена: на год—5 руб., на 6 мес.—2 руб. 50 коп., на 3 мес.—1 руб. 25 коп. Отд. номер—25 коп.
8. ЛИТЕРАТУРА ПО МЕДИЦИНЕ И ФИЗКУЛЬТУРЕ
24 номера в год. Подписная цена: на год—3 руб., на 6 мес.—1 руб. 50 коп., на 3 мес.—75 коп. Отдельн. номер—15 коп.
9. ИЗОПРОДУКЦИЯ И ЛИТЕРАТУРА ПО ИЗОИСКУССТВУ
36 номеров в год. Подписная цена: на год—7 руб., на 6 мес.—3 руб. 50 коп., на 3 мес.—1 руб. 75 коп. Отд. номер—25 коп.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ (ВСЕ 9 ИЗДАНИЙ) ЖУРНАЛА
«КНИГА СТРОИТЕЛЯМ СОЦИАЛИЗМА»
300 номеров в год. На год—40 р., на 6 мес.—20 р., на 3 мес.—10 р.
Подписка принимается всеми отделениями, магазинами и киосками Книгоцентра, его уполномоченными, всюду на почте и письмоносцами.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ»
ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ДВЕНАДЦАТЫЙ НОМЕР
ЛОКАФ
ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРНОГО ОБ'ЕДИНЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ И ФЛОТА
В НОМЕРЕ: А. Малышкин «На высоте 56»; А. Новиков-Прибой «В тропиках»; ...; В. Толстой «Фабрика летчиков»; М. Ройзман «...»; В. Зарвар «Гражданская авиация в СССР»; А. Сурков «Демобилизация»; М. Голодный «...»; «Потемкинцы»; ...; НА ФРОНТАХ ЛИТЕРАТУРЫ: Н. Свирин «Творческие пути ЛОКАФа». БИБЛИОГРАФИЯ: П. Зубовский «Против ...»; ... ХРОНИКА ЛОКАФ.
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год—[illegible] р., на 6 мес.—6 р., цена отд. номера—1 р. 25 коп.
Подписка принимается во всех отделениях Книгоцентра и в почтовых отделениях, а также письмоносцами.
Адрес редакции: Москва, ул. Воровского, 52, клуб ФОСП им. М. Горького.

Г. ЯКУБОВСКИЙ
ПИСАТЕЛИ и КРИТИКА
Краткое содержание: С. Есенин, Л. Сейфуллина, И. Бабель, С. Малашкин, А. Новиков-Прибой, ..., Н. Огнев(?), Н. Федин, Ф. Гладков, Д. Фурманов, П. Прохоров. 180 страниц. Цена 1 руб. 50 коп.
Д-р Нифантов
ПАМЯТЬ
Ее недостатки и меры к их устранению. Новое 2-е издание 1931 г. Под редакцией проф. Ш. Я. ЛЕВА с 14-ю рисунками. Цена 2 руб. 25 коп.
Проф. Т. И. Юдин
ЕВГЕНИКА
Учение об улучшении природных свойств человека. Цена 3 руб.
Высылает наложенным платежом магазин «ПРОМЕТЕЙ» МОСКВА, 9, Моховая 26.

ВСЕМ РАБОТНИКАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, КРАЕВОЙ, ОБЛАСТНОЙ, РАЙОННОЙ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПЕЧАТИ
необходим
ЖУРНАЛИСТ
Ежедекадный журнал теории и практики большевистской печати.
«ЖУРНАЛИСТ» освещает текущую работу печати, организует широкий обмен опытом. Печатает руководящие статьи по важнейшим вопросам газетной работы и теоретическим основам газетоведения.
Приложение «Библиотечка журналиста» 8 книг в год.
Открыт прием подписки на 1932 год
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—9 р., 6 мес.—4 р. 50 коп., 3 мес.—2 р. 25 коп., с приложением библиотеки дополнительно 12 мес.—13 р., 6 мес.—6 р. 50 коп., 3 мес.—3 р. 25 коп.
Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока
«Журнально-газетное об'единение»

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО «НЬЮ-ЙОРК»
ПРИСТУПИЛО К РАСЧЕТАМ ПО ПОЛИСАМ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
По выплате полисодержателям 15% следуемой им суммы будут оплачены ордерами ТОРГСИНА. Прием новых полисов производится до 1-го февраля 1932 г. в АО Кредит-Бюро (помещ. Госбанка, Неглинная, 12), письменно Главный почтамт, почтовый ящик № [illegible] и конторами, отделениями и агентствами Госбанка по всему СССР.

«СОВЕТСКИЙ ТЕАТР»
Ежемесячный общественно-политический журнал по вопросам театра и марксистского театроведения
Задачи журнала:
вооружить пролетарский культактив для борьбы за подлинно советский классовый театр, за социалистическую реконструкцию театра, путем разработки основных вопросов театральной культуры и классовой театральной политики, для борьбы с аполитичностью и оппортунизмом в театре, с механистическими теориями, за диалектический метод в театре.
Отделы журнала:
Статьи по вопросам творческого метода, критические обзоры театпостановок, дискуссии, характеристика театров и отдельных работников театра, ... о театре СССР и зарубежном, новые пьесы, библиография, мемуары, документация, ...
Журнал богато иллюстрирован
С 1-го января 1932 года «Советский театр» издается Журнально-газетным об'единением.
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 год.
Подписная цена: 12 мес.—8 р., 6 м.—4 р., 3 мес.—2 р.
Отдельный номер — 75 коп.
Подписка принимается только ПОЧТОЙ не позже установленного ею срока.
Журнально-газетное Об'единение.

ЗА БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО БОЛЬШЕВИЗМА
в театре, музыке, кино, пространственных искусствах.
За подчинение всех видов искусства задачам социалистического строительства.
За рост и укрепление художественной самодеятельности ударной бригады советского искусства.
За пролетарские кадры в искусстве.
За марксистско-ленинскую теорию против механистических и идеалистических ее извращений БОРЕТСЯ ГАЗЕТА
«СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО»
Каждые 6 дней разнообразная информация о жизни искусства, корреспонденции, рецензии, статьи, фельетоны по политическим, творческим и практическим вопросам искусства. Новые постановки и пьесы. Выставки. Самодеятельное движение. Зарубежная хроника. Фотошаржи. Зарисовки. Карикатуры.
ДРАМАТУРГИ, СЦЕНАРИСТЫ, РЕЖИССЕРЫ, АКТЕРЫ, ХУДОЖНИКИ, МУЗЫКАНТЫ, КРУЖКОВОДЫ, МАССОВИКИ, АГИТБРИГАДНИКИ,
НИ ОДНОГО РАБОТНИКА ИСКУССТВА БЕЗ ГАЗЕТЫ
«СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО»
ПОДПИСКА НА 1932 год ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—3 р. 60 к., 6 мес.—1 р. 80 к., 3 мес.—90 к.
Подписку сдавайте местной почте не позднее установленного ею срока
Журнально-газетное об'единение